
МОСКВА И МОСКВИЧИ
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СТОЛЕТИЯ

Ирина Карпачева

**Москва и москвичи
через призму столетия**

«Тип-Топ»

2018

Карпачева И. А.

Москва и москвичи через призму столетия / И. А. Карпачева —
«Тип-Топ», 2018

ISBN 978-5-906097-61-3

Дорогие друзья, москвичи, жители самого замечательного города Земли
Вы держите в руках книгу, которая явилась результатом исследований
ведущих историков – москвоведов, краеведов, научных сотрудников Музея
Москвы, которые почти год работали над сбором материалов, их обработкой и
составлению хронологической истории жителя столицы за последние 100 лет.
В этом, 2018 году, Москва и москвичи отмечали 100 лет со дня, как Москва
вновь стала столицей и эта книга является подарком всем любящим наш
город, живущим в нем, учащимся и работающим, приезжающим и живущим
испокон веков. Историко-исследовательский проект «Москва и москвичи
через призму столетия», осуществляется при поддержке Департамента
национальной политики и межрегиональных связей города Москвы и являет
собой сравнительный анализ образа москвича и Москвы – в социальном,
экономическом, национальном и других важных аспектах жизни в период с
конца XIX века до начала XX.

ISBN 978-5-906097-61-3

© Карпачева И. А., 2018

© Тип-Топ, 2018

Содержание

Вступительное слово	5
От авторов	7
Дворянская республика	8
Магикане Замоскворечья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	63

**Ирина Анатольевна Карпачева,
Мария Николаевна Николаева,
Наталия Борисовна Ефимова,
Ирина Леонидовна Ильичева**
Москва и москвичи через призму столетия

Вступительное слово

Дорогие друзья, москвичи, жители самого замечательного города Земли Вы держите в руках книгу, которая явилась результатом исследований ведущих историков – московедов, краеведов, научных сотрудников Музея Москвы, которые почти год работали над сбором материалов, их обработкой и составлению хронологической истории жителя столицы за последние 100 лет.

В этом, 2018 году, Москва и москвичи отмечали 100 лет со дня, как Москва вновь стала столицей и эта книга является подарком всем любящим наш город, живущим в нем, учащимся и работающим, приезжающим и живущим испокон веков.

Историко-исследовательский проект «Москва и москвичи через призму столетия», осуществляется при поддержке Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы и являет собой сравнительный анализ образа москвича и Москвы – в социальном, экономическом, национальном и других важных аспектах жизни в период с конца XIX века до начала XX.

Цели проекта: сохранение и укрепление солидарности московского городского сообщества; раскрытие роли Москвы в поддержании общегосударственного единства; исследование и сравнительный анализ облика москвича; изучение культурного облика столицы; популяризация уважительного отношения к культурам различных этносов среди жителей и гостей Москвы.

В нашей книге Вы сможете узнать какой был москвич сто лет назад в Императорской России, когда город еще не был столицей, как изменился москвич после Октябрьской революции и возвращению Москвы статуса столицы, что и как менялось в социальном, национальном, экономическом и политическом облике москвича в советский период и что произошло с жителями столицы после развала СССР.

Данный исследовательский проект уникальный в своем роде и первый в Москве. Он позволит широкому кругу москвичей и в целом россиян познакомиться с яркой и многогранной историей развития столичного социума, а также многовековым историко-культурным наследием москвичей и послужит последующему сохранению солидарности московского городского сообщества и укреплению значимости столицы, как центра многонациональной и многоконфессиональной страны.

Я надеюсь, что эта книга откроет для Вас много нового и интересного и ответит на многочисленные вопросы об образе москвича прошлого и даст возможность представить Москву и москвичей в перспективе будущего.

Хочу от всего сердца выразить благодарность всем тем, кто помогал в работе над этим проектом:

- Департаменту национальной политики и межрегиональных связей города Москвы
- Музейному объединению «Музей Москвы»

- Совету по делам национальностей при Правительстве Москвы.

А также всем историкам, краоведам, москвоведом, музейоведам, архивистам и всем неравнодушным москвичам!

Низкий Вам поклон и приятного прочтения!

Проект продолжается!

Руководитель проекта

Президент РОО «Москва и москвичи»

Председатель Комиссии по развитию межрегиональных отношений и этнотуризма
Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы

Галли Монастырева

От авторов

Москва – это не только улицы и дома, это, прежде всего, единство непохожих людей. Это они прокладывали здесь первые улицы, защищали город, отстраивали заново, берегли и передавали наследникам московские легенды и домашние реликвии.

У каждого своя Москва, свои впечатления и воспоминания, даже, если хотите своя история этого города.

Однако большая часть книг, написанных о Москве, рассказывает в основном историю улиц и домов, в которых проживали известные москвичи, внесшие значительный вклад в историю и пр.

Мы решили восстановить справедливость и рассказать о «простых» жителях города, составить правдивый «образ москвича на фоне Москвы» и тех событий, свидетелями и участниками которых они были. Дворяне и купцы, рабочие и революционеры, нэпманы и шестидесятники – все они жили в разные годы XIX и XX столетий. Всех их объединяет только одно – любовь к своему городу и вера его будущее.

Их повседневная жизнь и работа, их простые человеческие радости и огорчения всегда были одними из главных тем исследований научных сотрудников Музея Москвы.

За последнее десятилетие в исторической науке, к счастью, изменилось понимание социальной истории. Представления людей о жизни и смерти, понятие дружбы и долга, такие частные темы как история трапезы или домашних праздников и т. п. – все это далеко не полный список новых тем в современных исторических исследованиях. Для нас эти темы давно не новы. Эпоха и люди исследуются и учетом моды, нравов и вкусов, домашних интерьеров. Проблема личности в истории – это и изучение характера человека, его ненависти и любви, надежды, покаяния. Всех этих факторов недостает в отечественных учебниках и монографиях, а наши экспозиции и выставочные проекты все больше ориентированы на показ именно эмоциональной жизни человека.

В нашей работе мы постарались использовать больше воспоминаний и мемуаров, написанных горожанами. В работе мы впервые использовали еще один «вид письменных источников», о котором хотелось бы сказать особо. На протяжении всей активной выставочной деятельности музея, авторы собирали и хранили Ваши комментарии и небольшие рассказы, оставленные в Книгах отзывов. Отрывки воспоминаний, комментарии были не только искренними и душевными откликами на понравившейся проект, но и желанием донести и сохранить до потомков «свою историю Москвы». Авторы подписывались не полностью, чаще ставя только инициалы, поэтому мы никогда не узнаем, как выглядели, чем занимались наши дорогие соавторы. Для нас – это неоценимые источники, очень искренние правдивые страницы из истории города, рассказанные от первого лица. Эта книга «для всех»: для тех, кто родился и вырос в столице; для тех, кто совсем недавно приехал в город или еще только собирается.

Жанр этого издания определить сложно! Это и сборник очерков о Москве, и своеобразный путеводитель «в одном флаконе».

Дворянская республика

«Истинная столбовая русская аристократия не в Петербурге, а в Москве у нас», – говорит один из героев популярного в XIX веке романа «Юнкера». Удивительный писатель Александр Иванович Куприн очень метко охарактеризовал московское дворянство начала XIX столетия.

Это было время «барина», и Первопрестольная слыла дворянской столицей. Они во всем задавали тон в столичном городе, поскольку официальной столицей считался Петербург. Правда, никаких указов и распоряжений государей, по этому поводу не было. Еще во времена Петра Великого двор переехал на берега Невы, за ним потянулись все остальные. Кто по собственной инициативе, а кого и силком тащили.

Вся Москва шепталась о новых усадьбах, модах, балах, выездах и диковинных новшествах домашнего бытия самого привилегированного и благородного городского сословия.

Сначала несколько слов о возникновении русского дворянства вообще. Служилое дворянство появилось в XV–XVI веках.

Это было нерегулярное конное войско Великого князя, а затем царя, которое, по его первому требованию, обязано было собраться «конно, оружно и людно», то есть со своими вооружёнными холопами. На весь срок службы дворяне получали принадлежащие Великому князю земли с деревнями, которые они обязаны были вернуть по её окончании. Вот так и становились первыми помещиками.

В своих поместьях многие из них жили, главным образом, летом, но имели и городские усадьбы в Москве.

С начала XVIII века дворяне, начиная с пятнадцати лет, обязаны были нести поголовную и пожизненную службу, а в 1714 году Пётр I даже запретил производить в офицеры дворян, не служивших рядовыми солдатами.

Тогда же был принят Указ о единонаследии, который, по существу, приравнял помещиков к боярам-вотчинникам. По этому указу поместье передавалось в полное владение только одному сыну в семье, чтобы дворянские имения не дробились между несколькими наследниками, так как это приводило к обеднению рода. Этот указ действовал до 1730 года, когда был отменён, а с 1736 года один сын в дворянской семье стал освобождаться от обязательной службы, а для всех остальных её срок сократился до двадцати пяти лет. Дабы избежать солдатской лямки для своих детей, дворяне придумали хитроумный ход: стали записывать их на службу в полки с малолетства, а то и до рождения (как, например, Петрушу Гринёва в пушкинской «Капитанской дочке»). В этом случае, ко времени начала действительной службы дворянский «недоросль» уже «дослуживался» до младших офицерских чинов.

Кремль.

Вид с Замоскворецкой набережной от Московского моста. 1883 г.

Кстати о «недорослях»: без службы нельзя было получить чина, каждый дворянин обязан был состоять на военной службе. Чин необходимо было указывать при оформлении любых бумаг. Не имеющий такового, должен был подписываться: «недоросль такой-то». До глубокой старости во всех официальных бумагах так и указывали: «недоросль».

Младшее офицерство гарантировано в том случае, если дворянин был записан в гвардию: эти элитные полки имели преимущество перед армейскими в два класса (по «Табели о рангах», принятой в 1722 году), на которые, при переходе в армейские части, увеличивался чин новоиспечённого офицера.

«Табель о рангах» регламентировала военную и гражданскую службу и благодаря успешному продвижению по службе позволила получать дворянство лицам недворянского происхождения.

Дворянство разделялось на потомственное (в котором достоинства и права передавались по наследству) и личное, не имевшее прав на владение крепостными. Чин 14-го класса давал право на личное дворянство в гражданской службе и потомственное – в военной; потомственное дворянство в гражданской службе приобреталось чином 8-го класса. То есть самый низший обер-офицерский чин в военной службе давал потомственное дворянство, а в статской для этого надо было дослужиться до коллежского асессора или надворного советника. Таким образом, Табель о рангах ставила военную службу в привилегированное положение. В это время чтобы приобрести права потомственного дворянина достаточно было получить определённый военный или гражданский чин или быть награждённым одним из российских орденов.

Конечно, такое прибавление в рядах служилого дворянства не могло нравиться старым родовитым дворянам.

Мы часто употребляем термин дворянство столбовое. Помните, у Александра Сергеевича Пушкина в «Сказке о золотой рыбке»: «Не хочу быть черною крестьянкой, а хочу быть столбовою дворянкой...»?

Чтобы не запутать, любезного читателя, поясним, что столбовое дворянство – самое старинное, существовавшее до 1682 года и занесённое в столбцы Разрядного приказа, в котором фиксировалась дворянская служба. Служилое – выслужившееся из других сословий на государственной службе, в свою очередь, разделялось на потомственное, которое могло передавать свою сословную принадлежность детям, и личное, без права наследования дворянского титула. Между ними была колоссальная разница, богатая титулованная столбовая аристократия презрительно относилась к мелкопоместному, служилому и малочинному дворянству. И это не удивительно. Зачастую мелкопоместные дворяне сочетали в себе малограмотность, невоспитанность и невежество, в то время как аристократия обладала хорошим воспитанием, образованием, богатством, служило в полках гвардии и занимало высокие должности в управлении страной. А иногда бывало и наоборот.

Вид Тверской улицы от Страстной площади к дому генерал-губернатора. Фототипия «Шерер, Набгольц и К°». 1888 г.

От принадлежности к столбовому или служилому дворянству, титулованному (относились природные и светлейшие князья, графы, бароны) или нетитулованному зависело внесение рода в ту или иную часть дворянских родословных книг. В первую часть таких книг включали роды, которым дворянское достоинство пожаловал лично император, затем – получившие дворянство на гражданской службе и пожалованные орденами, получившие дворянство на военной службе, иностранные роды, признанные в России, титулованные дворяне, и в шестой части книги самые почётные – столбовые дворяне.

С конца XVIII века образованной дворянской молодёжи разрешалось поступать на военную службу только юнкерами, то есть привилегированными нижними чинами, имевшими право производства в офицеры после 1–2 лет службы и сдачи специального экзамена. Но к этому времени дворянство уже было свободно в выборе своего жизненного пути: изданный Петром III в 1762 г. манифест о «вольности дворянства» освободил этот класс от обязательной государственной службы. Большинство оставило службу, переехало в свои имения, и окончательно «село на шею» крепостным.

Матушка Императрица Екатерина II укрепила права и привилегии дворян Жалованной грамотой дворянству 1785 года. Согласно этому документу, дворянство было свободно от податей и повинностей, от телесных наказаний, могло заниматься любыми видами деятельности и имело исключительное право собственности на крепостных крестьян. Родовое или дарованное имение не подлежало никакой конфискации. Дворянам было даровано право на винокурение, сословную корпоративную организацию и ограниченное самоуправление.

Иными словами, Грамота окончательно оформила права и привилегии этого сословия, которое признавалось «благородным».

Государственных крестьян императрица щедро раздаривала своим любимцам. За годы правления ею было подарено своим ближайшим сподвижникам более восьмисот тысяч крестьян с землёй. Недаром время правления «матушки-царицы» называют «золотым веком русского дворянства». Многие вельможи с облегчением выходили в отставку и перебирались на постоянное жительство в Москву и в богатые подмосковные поместья, без сожаления покидая роскошную новую столицу на берегах Невы, куда их почти насильно пересаживала в начале XVIII века властная рука Петра I. В Москву также отправлялись те, кто считал себя несправедливо обиженными и обойдёнными по службе.

Вид Тверского бульвара. Фототипия «Шерер, Набгольц и К°». 1888 г.

Как сообщал известный бытописатель «Старой Москвы» Михаил Иванович Пыляев, Москва (именно как город сословно – дворянский) при Екатерине видела всех замечательных лиц своей эпохи – в стенах Белокаменной отдыхали утомлённые благами фортуны и власти первые вельможи и государственные люди XVIII века.

Один из первых путеводителей по Москве XIX столетия вышел из под пера Николая Михайловича Карамзина.

Н. М. Карамзин в своей знаменитой «Записке о московских достопамятностях», подготовленной им в качестве путеводителя для вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны, писал: «...Москва будет всегда истинною столицею России. Там средоточие Царства, всех движений торговли, промышленности, ума гражданского. Красивый, великолепный Петербург действует на Государство, в смысле Просвещения, слабее Москвы, куда отцы везут детей на воспитание, и люди свободные едут наслаждаться приятностями общежития. Москва непосредственно даёт Губерниям и товары, и моды, и образ мыслей... Кто был в Москве, знает Россию...».

Таким образом, если в конце XVIII – начале XIX веков в Петербурге сосредоточивается «молодое» – служилое дворянство, старающееся добиться высокого положения в обществе благодаря успешной карьере в военной или гражданской службе, то весь цвет старинного родовитого барства в это же время собирается в Москве. Эти люди имели собственное суждение обо всех событиях в России и за её пределами и, не стеснённые близостью престола и двора, свободно, хотя и достаточно умеренно, высказывались по их поводу. Общественное мнение России формировалось именно в Москве и именно в среде почтенных сановников, живущих на покое в собственное удовольствие и находившихся почти всегда в оппозиции к «застёгнутому на все пуговицы» официальному Петербургу. Недаром, по свидетельству Н. М. Карамзина, Москва в конце XVIII века слыла «дворянской Республикой».

«В Петербурге служить, в Москве жить!», – гласила широко бытовавшая в России поговорка.

Известный французский писатель и путешественник, маркиз Астольф де Кюстин вспоминал: «Первое, что меня поразило в Москве, это настроение уличной толпы. Она показалась мне более весёлой, более свободной в своих движениях, более жизнерадостной, чем население Петербурга. Люди, чувствуется, действуют и думают здесь самопроизвольно, меньше повинуются посторонней указке. В Москве дышится вольнее, чем в остальной империи. Этим она сильно отличается от Петербурга, чем, по-моему и объясняется тайная неприязнь монархов к древнему городу...»

На протяжении всего XIX века Москва была символической столицей государства, но российские монархи предпочитали короноваться в Московском Кремле. После того, как по приказу Екатерины II в 1763 году, прежде единый высший орган государственной власти – правительствующий Сенат – был разделён на департаменты, два из них – ведающий правами дворян и судебный – были переведены в Москву. Для размещения этих подразделений Сената великий зодчий М. Ф. Казаков в 1776–1787 годах выстроил в Кремле специальное здание, которое не слишком пострадало во время пожара 1812 года. После ремонта в 1856 году в нём разместили судебные инстанции, после чего оно стало называться «Зданием судебных установлений». Естественно, в таких учреждениях служили, преимущественно, дворяне.

Не смотря на то, что к началу века Москва была крупным научным и культурным центром России, многие отмечают, что к этому времени старая столица была довольно провинциальна. Часто в воспоминаниях современников того времени мы читаем: «Москва – это большое село с барскими усадьбами». Москва – это «великолепные дворцы, разбросанные по всем частям города, и бедные деревянные домишки рядом, превосходные сады и обширные огороды среди наилучших кварталов; огромные крытые базары со множеством всяких лавок и магазинов на европейский лад...».

Николай Гаврилович Левшин вспоминал, что Москва «...удивительное пристанище для всех, кому делать более нечего, как своё богатство расточать, в карты играть, ходить со двора на двор; деловых людей в Москве мало. Все вообще отставные, старики, моты, весельчаки и праздноты – все стекаются в Москву и там век свой доживают припеваючи...»

Основную массу населения города в начале XIX века составляли непривилегированные слои – дворовые, помещичьи и государственные крестьяне, пришедшие и приехавшие на заработки, ремесленники, фабричные, солдаты, малообеспеченные и не имеющие постоянного дохода.

Примерно 175 тыс. жителей насчитывалось в Москве в конце XVIII века. В 1811 году население выросло до 275 281 человека. После Отечественной войны осталось всего 161 986 жителей. К 1830-м гг. численность вновь выросла до 305 631 человека, а к 1850-м гг. – 356 511 человек. Смертность в городе превышала рождаемость, поэтому прирост населения шёл в основном за счёт притока из сельских местностей. Так будет на протяжении всего века.

В городе становилось особенно многолюдно в осенний и зимний периоды, когда помещики съезжались из дальних и близлежащих имений. Как вспоминал один из самых знаменитых мемуаристов Филипп Филиппович Вигель: «Помещики соседственных губерний почитали обязанностью каждый год, в декабре, со всем семейством отправляться из деревни, на собственных лошадях, и приезжать в Москву около Рождества, а на первой неделе поста возвращаться опять в деревню. Сии поездки им недорого стоили. Им предшествовали обыкновенно на крестьянских лошадях длинные обозы с замороженными поросятами, гусями и курами, с крупю, мукою и маслом, со всеми жизненными припасами. Каждого ожидал собственный деревянный дом, неприхотливо убранный, с широким двором и садом без дорожек, загложим крапивою, но где можно было, однако же, найти дюжину диких яблонь и сотню кустов малины и смородины. Всё Замоскворечье было застроено сими помещичьими домами. В короткое время их пребывания в Москве, они не успевали делать новых знакомств и жили между собою в обществе приезжих, деревенских соседей: каждая губерния имела свой особый круг. Но по четвергам все они соединялись в большом кругу Благородного Собрания». Зимой в городе коротали студенты, гимназисты, семинаристы, пансионеры (учащиеся пансионов, состоящие на полном содержании), крестьяне, ищущие заработка. Весной и летом в городе было пусто. К концу первого десятилетия XIX века около половины жителей – крестьяне и дворовые. Дворяне составляли небольшой процент москвичей, но именно из них состояла вся военная и гражданская администрация, офицерство, они были высшими и средними чиновниками. Привилегированное сословие составляло всего одну шестнадцатую часть населения города, но, тем не менее, Москва считалась именно дворянской столицей. Дворяне имели многочисленную дворню, с которой и приезжали на зиму: лакеи, камердинера, повара, кухарки, горничные, прачки, кучера, конюхи; в некоторых случаях имелись свои крепостные певчие, музыканты. Дворня иногда насчитывала несколько сотен человек.

Из городских сословий, выделялось купечество, по численности приближающиеся к дворянам, и мещане – московские и иногородние. «Ядро коренного московского народонаселения составляет купечество. Девять десятых этого многочисленного сословия носят православную, от предков завещанную бороду, длиннополый сюртук синего сукна и ботфорты с кисточкою, скрывающие в себе оконечности плисовых или суконных брюк; одна десятая позволяет себе брить бороду и, по одежде, по образу жизни, вообще во внешности, походит на разночинцев и даже дворян средней руки... В Москве повсюду встречаете вы купцов, и все показывает вам, что Москва по преимуществу город купеческого сословия... Базисом этому многочисленному сословию в Москве служит еще многочисленнейшее сословие: это – мещанство, которое создало себе какой-то особенный костюм из национального русского и из басурманского немецкого, где неизбежно красуются зеленые перчатки, пуховая шляпа или картуз...», – вспоминает Виссарион Григорьевич Белинский.

Самая большая сословная группа – это дворовые, не приписанные к домам (76 866, или 27,9 % населения), затем шли крестьяне помещичьи (41 153, или 14,9 %) и крестьяне казенные (37 523, или 13,6 %). В эти группы входило 155 542 человека, или 56,4 % всего населения. Её составляли крепостные помещиков или казны, отпущенные за вносимый ежегодно оброк

на вольнонаемные работы или на занятие торговлей в городе. Некоторые из них работали по вольному найму на мануфактурах, другие были продавцами в лавках купцов и мясников, некоторые занимались ремеслами.

Старое здание Университета. Фототипия «Шерер, Набоглиц и К°». 1895 г.

Еще одна, выделяющаяся своей численностью, группа – нижние воинские чины, служившие в размещенных в Москве войсках, или отставные военные (6,9 %).

Также долю населения составляли разных чинов люди (разночинцы) – профессора, учителя, литераторы, врачи и другие люди свободных профессий (составляли 3,9 % от всего населения города), чиновники не из дворян, служившие в казенных учреждениях (всего 0,1 %), а также иностранцы (1,2 %) по занятиям примыкающие и к группе купцов, и к группе ремесленников, и к группе разночинцев.

В то время дворяне играли значительную роль в управлении городом, которое было в руках Генерал-губернатора, подчинявшегося только Государю. Губернатор считался первым лицом в Москве, ему принадлежало решающее слово в важных делах города и губернии. Он возглавлял всевозможные комитеты, комиссии, благотворительные организации. Ему подчинялись и войска, и гражданские учреждения города. Правовой статус губернатора впервые был четко определен в «Учреждениях для управления Всероссийской империи» от 7 ноября 1775 г., затем дополнен в «Общей инструкции генерал-губернаторам» от 29 мая 1853 г. Как государев наместник генерал-губернатор был главным блюстителем порядка и точного исполнения законов и распоряжений верховного правительства на вверенной ему территории. Первостепенное внимание генерал-губернаторов было направлено на обеспечение внутренней безопасности, контроль за «народным здоровьем и продовольствием», сбор и расходование городских средств, состояние сельского хозяйства, фабрично-заводской и ремесленной деятельности, торговли, цены. В его обязанности входило «отправление правосудия» – высшая судебная и кассационная инстанция, а также контроль за деятельностью и штатами государ-

ственных учреждений и организаций. В ноябре 1796 года Император Павел разделил управление второй столицей на военное и гражданское. Была учреждена должность военного губернатора, в ведение которого перешли руководство полицией и пожарное дело. Указ от 24 мая 1849 г. предоставил московскому военному генерал-губернатору начальство над всеми расквартированными в городе и губернии военными частями. В 1896 году московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович Романов был одновременно назначен и командующим войсками военного округа.

Главный административный орган в губернии – губернское правление, где председателем был главнокомандующий (генерал-губернатор), а в состав входили: губернатор, вице-губернатор и четыре советника. Оно обнародовало законы, указы, постановления верховной власти, Сената, других государственных учреждений, надзидало за соблюдением законов.

Петровский парк зимой. Фотография и фототипия П.П. Павлова. 1890-е гг.

В управлении губернией генерал-губернатору помогал гражданский губернатор, второе начальствующее лицо в городе. Ober-полицейстер был ближайшим помощником главнокомандующего по городу и возглавлял Управу благочиния. Она контролировала выполнение населением полицейских правил.

В ведении ober-полицейстера находилась вся полиция города. В административном отношении город был разделён на 20 полицейских частей: Городскую, Тверскую, Мясницкую, Пречистенскую и Арбатскую части, Сретенскую, Яузскую, Пятницкую и Якиманскую части, Хамовническую, Новинскую и Пресненскую части, Сущевскую и Мещанскую, Покровскую, Басманную и Лефортовскую, Рогожскую и Таганскую, Серпуховскую часть. Во главе каждой части стоял частный пристав. Часть в свою очередь делилась на кварталы, которые находились в ведении квартальных надзирателей. В 1829 г. было уже 17 полицейских частей. Новинская, Таганская и Покровская были уничтожены.

За покой и безопасность на городских улицах отвечали московские будочники, стоявшие возле полосатых будок, одетые в суконные мундиры серого цвета и вооружённые тяжёлыми алебардами. В 1820-е годы на площадях и перекрёстках стояло почти 500 будок. Современники вспоминали, что будочники обыкновенно были грубыми и мрачными людьми, к которым побаивались обращаться с вопросами.

В Москве было и «общественное управление» – Общая и Шестигласная городские Думы. «Грамота на права и выгоды городам Российской империи...», подписанная Екатериной 21 апреля 1785 года возвестила: «Общая городская Дума, была составлена из людей, занятых торгами, промыслами и ремеслами, обязана собираться по однажды всяк срок заседания, или же, когда нужда и польза городская потребует, и в другое время...». У Общей Думы была одна проблема: избрать из числа своих гласных исполнительный орган – Шестигласную Думу, которая фактически и была действительным органом городского самоуправления. Шесть ее «гласных» представляли торгово-промышленные сословия – купцов, мещан и ремесленников. Первый «гласный» избирался дворянством, второй, третий и четвертый – купцами I, II и III гильдий, пятый – мещанством и шестой – именитыми гражданами. В неё входил также председатель – Городской Голова, избираемый всеми сословиями. Полномочия думы были ограничены и задачи в основном сводились к составлению сметы доходов и расходов и сборам средств на нужды города, на содержание помещений для войска, полиции, жандармерии и пожарной охраны, ведала ремонтом мостов и мостовых перед казенными и общественными учреждениями, освещением улиц фонарями с конопляным маслом, освещением и очисткой казарм. Доходов у города практически не было, все предприятия были казенными, государственными или частными – не муниципальными. В 1885 году Москва торжественно отметила 100-летие Городской Думы. Тогдашний гласный Владимир Иванович Герье сказал на торжественном заседании: «Жалованная грамота указала дворянам путь из города, объявила как бы несовместимую с благородством «службу в Городской думе. А между тем это учреждение могло пустить корни и укрепиться лишь под условием прилива к нему самых сильных и развитых элементов. За дворянами вон из городских учреждений потянулись именитые горожане и первостатейные купцы. И что же удивительного, если ... с течением времени Шестигласная дума состояла из шести членов от трех только разрядов, преимущественно из купцов...». Должность Городского головы была учреждена еще до введения городского самоуправления. Выборы первого головы были проведены в апреле 1767 года. Им стал, разумеется, тоже дворянин – браваый генерал, князь Александр Алексеевич Вяземский. Официальный указ Сенату об учреждении новой должности состоялся только 14 декабря 1767 года, однако, круг деятельности «представителя и руководителя городского населения» в этом документе очерчен не был. Руководители Думы «первого поколения», как могли, вносили посильный вклад в развитие городского хозяйства. В тяжелые времена организовывали выпечку бесплатного хлеба, занимались восстановлением разрушенных после пожаров зданий, благотворительностью. Городское общественное самоуправление начнет активно развиваться только после крестьянской реформы 1861 года. «Положение об общественном управлении г. Москвы», высочайше утвержденное в 1862 году Императором Александром II станет новым этапом в развитии городского управления. В тексте Положения записано: «Городской голова есть главный уполномоченный от всего городского сообщества, а потому на нем главнейше лежит обязанность заботиться о пользах и нуждах общественных...». Голова избирался из представителей всех городских сословий, достигших 30 лет и владеющих собственностью не менее 15 тысяч рублей. Основные принципы избирательной системы нового закона были разработаны с учетом особенностей русских, а не западноевропейских городов. Этот законодательный акт, сохранив деление избирателей на сословные группы, фактически уравнивал их в правах. Первым городским головой, избранным по закону 1862 года будет всеми сословиями уважаемый, дворянин, князь Александр Алексеевич Щербатов, впоследствии, первый Почетный гражданин города Москвы. Москвичи сразу заметили этого спокойного, рассудительного и уважаемого барина. Его первая политическая речь в Дворянском собрании после отмены крепостного права, поразила искренностью. Сам он вспоминал: «...вопреки теориям об уничтожении или самоуничтожении дворянства, я исходил из того положения, что признавая существование сословий необходимым как исторического продукта в России, первенствующее значение признавал за дворян-

ством как за руководящим сословием, но только при условии неотделения себя от остальных – от всего народа; при условии отсутствия сословного эгоизма. Не само дворянство должно возлагать на чело венец первенства, а получать этот венец от других сословий...». И поскольку это было не пустой фразой, а его абсолютным убеждением, то градское сообщество и доверило ему стать головой «всех объединенных сословий» города, а впоследствии наградило его званием Почетного гражданина города Москвы.

В самом конце XIX столетия, в 1897 году на должность Городского головы будет избран Владимир Михайлович Голицын – тайный советник, камергер, потомок древнейшего княжеского рода. В отличие от своих предшественников, князь Голицын предоставлял широкую инициативу членам Городской Управы и гласным, городские предприятия стали приносить реальный доход. Был максимально расширен водопровод, вступила в строй канализация, пущен городской трамвай. Владимир Михайлович никогда не считал это своей заслугой, подчеркивая, что все «успехи Москвы» были подготовлены предыдущими поколениями. Главным дворянином Москвы был, разумеется, генерал-губернатор. Он должен был сочетать в себе важность начальника и хлебосольство русского барина, с рачительностью хозяина города и губернии. Хозяйство его было обширным (например, в 1775 году Московская губерния включала в себя пятьдесят два города и двенадцать провинций с собственными крупными центрами: Переславля-Залесского, Владимирскую, Суздальскую, Переславля-Рязанского, Калужскую, Тульскую, Углицкую, Ярославскую и Костромскую).

Многие московские градоначальники были людьми неординарными, оставившими заметный след в истории. Иногда на их долю выпадали нелегкие испытания: войны, народные волнения или разгул стихий. Каждый из них старался оказаться на высоте своего положения. Другое дело, насколько у них это получалось. Были среди них те, кого только добрым словом вспоминали современники, кто оставил по себе самую светлую память.

Прежде всего, это – светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын – человек удивительной судьбы. Младший сын знаменитой пушкинской «Пиковой дамы» – Н. П. Голицыной, он воспитывался во Франции, где блистала в свете его мать. Закончил в 14-летнем возрасте знаменитую Страсбургскую военную академию.

Вид на Большой Каменный мост и храм Христа Спасителя. В. Avanzo. Specialite de photographies. 1890-е гг.

18-летним юношей он, русский аристократ, принимал участие во взятии Бастилии (эту страницу его биографии так никогда и не простил Николай I, постоянно говоривший, что у него на посту московского главнокомандующего – «якобинец»). Вернувшись в Россию, Голицын принимал участие во всех военных действиях против Наполеона и в других кампаниях. Дослужившись к двадцати семи годам до звания генерал-майора, в Бородинском сражении командовал кирасирским корпусом и, как всегда, показал себя истинным героем. Князь Голицын играл одну из важнейших ролей во время контрнаступления русской армии, заграничного похода. Со своими кавалеристами он всегда находился в самом пекле сражений, дошел до Парижа, получил по окончании войны высокое звание генерала от кавалерии. Портрет Д. В. Голицына работы Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца. По свидетельству Д. Д. Благово, князь Дмитрий Владимирович Голицын «хорошо знал иностранные языки и очень плохо русский. Говорят, что и просьбы ему подавали сперва на французском языке». Свои речи он составлял на французском для перевода на русский, а затем заучивал или читал по бумажке.

Но редкий случай! Его созидательная, мирная деятельность по своему значению заслонила его военные заслуги, и в историю он вошел, прежде всего, как один из самых любимых москвичами генерал-губернаторов за всю историю существования этого поста.

Федор Иванович Глинка, вспоминая Д. В. Голицына во время боя, писал в «Очерках Бородинского сражения»: «Никто не мог предугадать тогда, что этот воин, неуступчивый, твёрдый в бою, как сталь его палаша, будет некогда судьёю мирным, градоначальником мудрым и залечит раны столицы, отдавшей себя самоохотно на торжественное всеожожение за спасение России!!». Главная заслуга Д. В. Голицына перед Москвой заключалась в том, что при нём полностью завершилось восстановление города после сокрушительного пожара 1812 года.

Не меньшим уважением москвичей пользовался князь Владимир Андреевич Долгоруков – генерал-губернатор Москвы в 1865–1891 годах. Помимо основной службы, Долгоруков был

председателем или членом разных общественных организаций. Он организовывал благотворительные концерты, сам их посещал, часто бывал в театрах, благоволил артистам. Его присутствие не вызывало никакой натянутости в обществе. По воспоминаниям современников, он отличался простотой обращения, редким гостеприимством и хлебосольством, очень любил устраивать многолюдные балы и обеды. На все это нужны были значительные средства, которые намного превышали его доходы. Несмотря на это, князь никогда взятка не брал и к концу своей долгой, более чем восьмидесятилетней, жизни оказался в огромных долгах. Признательные москвичи преподнесли В. А. Долгорукову в один из его юбилеев серебряный барельеф с изображением дома на Пречистенке, где он родился (ныне дом № 19).

Всего пять лет (1908–1912) на посту московского генерал-губернатора служил Владимир Федорович Джунковский, но этот короткий срок был ознаменован многими памятными событиями в жизни города – и торжествами, и драматическими природными катаклизмами. Он принимал участие в организации юбилейных мероприятий, связанных со 100-летней годовщиной Отечественной войны 1812 года, с трёхсотлетием Дома Романовых в 1913 году. Джунковский уделял большое внимание улучшению положения музеев и архивов. Но наибольшую известность он завоевал благодаря своей решительности, распорядительности и действенным мерам по борьбе со страшным бедствием, обрушившимся на Москву и губернию в апреле 1908 года – небывалым наводнением, охватившем пространство в шестьсот квадратных верст.

Вид на здание Манежа. Фотография А. Рейнбот и К°. 1895-97 гг.

Поражает факт, что человек, сознающий всю тяжесть ответственности, в течение нескольких суток, без сна и отдыха, возглавлявший борьбу с разбушевавшейся стихией, был настолько одарен чувством прекрасного, что даже мог залюбоваться непривычным пейзажем. Постоянно объезжая в эти тревожные дни Москву верхом, он запомнил необыкновенную красоту вечернего города, как бы парящего над сплошной водной поверхностью, освещённой чуть выступающими из нее верхушками газовых фонарей и свечами богомольцев, возвращавшихся

с вечерней службы (была Страстная неделя). Эта незабываемая картина нашла впоследствии отражение в его воспоминаниях.

Джунковскому и его соратникам удалось свести до минимума жертвы стихии, по сравнению с ее небывалыми масштабами: только на Оке, в районе Серпухова, где разлив достиг колоссальных размеров, погибли два человека. За свои самоотверженные действия Владимир Федорович был награжден серебряной медалью «За спасение погибавших».

В ознаменование заслуг этих, а также других выдающихся градоначальников Москвы, их портреты и в наши дни украшают стены бывшего генерал-губернаторского дома (Тверская улица, 13 – ныне здание Мэрии Москвы). Этот дом был построен М. Ф. Казаковым в 1782–1784 годах.

Генерал-губернаторы, и, прежде всего, их жёны – первые дамы Москвы, были также главными благотворителями. Сословная благотворительность была широко распространена в Москве. Многие дворяне жертвовали крупные суммы на содержание больниц, приютов, Воспитательного дома, на помощь неимущим учащимся и студентам. Граф Н. П. Шереметев по завещанию своей жены, знаменитой крепостной актрисы П. И. Ковалёвой-Жемчуговой выстроил великолепное здание Шереметевского странноприимного дома – ныне одно из зданий Института скорой помощи им. Склифосовского.

Дворянская молодёжь Москвы проводила время не только на гуляниях и балах. Во «второй столице» было достаточно мест, служить в которых было, выражаясь современным языком, престижно для дворянина. В XVIII веке таким местом был Кригскоммисариат (после перевода его в Петербург, в 1797 г. – Кригскоммисариатская контора) – государственное учреждение, ведавшее снабжением и содержанием армии. Именно в нём служил, например, С. Л. Пушкин, отец поэта. В первой половине XVIII века Кригскоммисариат помещался в Кремле, в 1778–80 гг. для него было выстроено здание в стиле классицизма – в Садовниках, на берегу Москвы-реки (архитектор Н. Н. Легран). Его строгий фасад украшен 6–колонным портиком, увенчанным ступенчатым аттиком, а также барельефами с изображением воинских доспехов. Закруглённые углы оформлены в виде башен. Вы сможете и сегодня увидеть это сооружение на Космодамианской набережной.

В армии всегда нужны были квалифицированные офицеры, которых готовили московские военные учебные заведения. Вспомним только самые знаменитые из них. Прежде всего, это Школа математических и навигацких наук, основанная ещё Петром I, готовившая специалистов для военно-морского флота, а также судостроителей, инженеров, геодезистов и даже архитекторов. К сожалению, здание Школы не сохранилось – ведь помещалась она в знаменитой Сухаревой башне, безжалостно сломанной в 1934 году.

Следы же другого старинного военного учебного заведения ещё можно обнаружить на улице Большая Дмитровка. На месте владений № 9 и 11 в начале XIX века находилась обширная усадьба с главным домом в глубине участка и флигелями, выходившими на улицу. Здесь, в 1814 г., известным военным деятелем и учёным, генерал-майором Н. Н. Муравьёвым было основано Училище колонновожатых – предтеча будущей Академии Генерального штаба, существовавшее до 1823 года. За это время оно выпустило сто тридцать восемь высококвалифицированных молодых офицеров, многие из которых впоследствии стали декабристами, в их числе – сын основателя Училища А. Н. Муравьёв. Известный москвовед Юрий Александрович Федосюк считал, что сохранившийся дом № 11 – бывший флигель некогда большой усадьбы Муравьёвых – являлся как раз учебным корпусом Училища, где слушали лекции будущие офицеры-квартирмейстеры.

Во второй половине XIX века в Москве возникает целый ряд военных училищ, оставивших заметный след в истории нашего города. Самым элитным из них, комплектовавшимся преимущественно молодежью из дворян, считалось Александровское военное училище, основанное в 1863 году (угол Знаменки и Арбатской площади). Юнкеров-александровцев назы-

вали «московской гвардией», они были гордостью всего города. Жизнь училища нашла яркое отражение в замечательном и совершенно забытом сегодня, автобиографическом романе А. И. Куприна «Юнкера», о котором мы уже упоминали.

А вот кузницей кадров для статской, гражданской службы на протяжении полутора веков был, разумеется, славный Московский университет – старейшее высшее учебное заведение России. Основанный по замыслу и плану М. В. Ломоносова указом императрицы Елизаветы Петровны 12 января 1755 года, Московский университет сразу стал крупнейшим центром русской науки и занял достойное место среди других европейских университетов.

Первоначально он помещался в здании Главной аптеки на Красной площади, на месте нынешнего Исторического музея. Тогда в его составе было всего три факультета: юридический, медицинский и философский. Постепенно университет расширялся и «перебирался» на другой берег реки Неглинной – для его нужд было приобретено несколько соседних владений на Моховой улице. На этом месте в 1793 году было выстроено М. Ф. Казаковым величественное здание, предназначенное специально для университета. Адрес старого университета: Моховая улица, дом 9.

Московский университет не был специфически дворянским учебным заведением: ещё по настоянию М. В. Ломоносова, в университет и гимназию при нём принимались также разночинцы, а обучение до 1820 года было бесплатным. Но выпускники, достигшие в учёбе значительных успехов, сразу получали классные чины по «Табели о рангах», достаточные для возведения их в дворянское достоинство через сравнительно короткое время.

«...Чины, полученные службой, я разом наверстал, выдержавши экзамен на кандидата, из-за каких-нибудь двух-трёх годов старшинства не стоило хлопотать...», – писал Александр Иванович Герцен в «Былое и думы».

Нет никакой возможности даже перечислить всех славных выпускников и профессоров университета.

В 1779 году, по инициативе М. М. Хераскова, был открыт университетский Благородный пансион – закрытое среднее учебное заведение для детей дворян, который сразу стал одним из центров культурной жизни города. Воспитанники издавали рукописные журналы и альманахи, создали театр. При Университетском пансионе работало «Дружеское литературное общество» (в его заседаниях участвовали братья Тургеневы, В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков и другие известные литераторы), проходили собрания Общества любителей российской словесности, которые посещали Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев, К. Н. Батюшков. В разное время в пансионе учились А. П. Ермолов, А. С. Грибоедов, М. Ю. Лермонтов, В. Ф. Одоевский. Выпускники получали право поступления в университет, но не всегда им пользовались, так как знания, полученные в пансионе, были достаточно фундаментальными для поступления на службу. В 1830 году Университетский пансион был преобразован в 1-ю дворянскую гимназию, а в 1833 – в дворянский институт. (Пансион помещался на месте здания Центрального телеграфа на Тверской улице).

Наиболее способные, многообещающие выпускники университета имели возможность поступить в статскую службу в одно из крупных государственных учреждений, которые пребывали в Москве, несмотря на то, что она в XVIII–XIX веке уже не была официальной столицей России.

Ресторан «Мавритания» в Петровском парке. 1900-е гг.

Молодые дворяне почитали за честь служить в канцелярии генерал-губернатора (ул. Большая Дмитровка, 17 – на месте нынешнего здания Музыкального театра им. К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко).

Очень престижным местом статской службы был «Московский Иностранной коллегии архив» – уникальное хранилище, в котором были сосредоточены документы по истории России за тысячу лет, так как в него вошли остатки Московского великокняжеского, Царского архивов и архива Посольского приказа (Хохловский переулок, 7).

Начальниками Коллежского архива в разное время были крупнейшие историографы и архивисты Г. Ф. Миллер, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский. В особую моду архив вошёл после воцарения Павла I, муштра которого в армии переходила всякие пределы и заставляла «золотую молодёжь» избегать военной службы. Уже в 1802 году об архиве говорили как о «рассаднике образованной молодёжи». Свою карьеру начинали здесь братья Андрей, Николай и Александр Ивановичи Тургеневы, Александр и Константин Яковлевичи Булгаковы, И. А. Мусин-Пушкин, Д. Н. Блудов, М. М. Сонцов, Ф. Ф. Вигель и многие другие известные в нашей истории личности. Молодое поколение архивистов, работавших в этом учреждении в 20—30-е годы XIX века, почти полностью состояло из знакомых и друзей А. С. Пушкина. Это были С. А. Соболевский, Д. В. Веневитинов, братья И. В. и П. В. Киреевские, Д. Н. Свербеев, старший брат жены А. С. Пушкина Д. Н. Гончаров и другие. Звание «архивного юноши» (выражение С. А. Соболевского) было в это время очень почётным и давало его обладателям повод вести себя с большим чувством собственного достоинства и даже несколько надменно. Недаром А. С. Пушкин писал в «Евгении Онегине»:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про неё между собою
Неблагодарно говорят.

Эта характерная пушкинская зарисовка ярко отражает атмосферу жизни московского света. Рауты, вечера, балы являлись главными развлечениями дворянского сословия. И недаром одна из следующих сцен «Евгения Онегина» посвящена балу в Благородном собрании, в его великолепном Колонном зале. (Ныне – Колонный Зал Дома союзов. Его адрес: Большая Дмитровка, 1):

Её привозят и в Собрание,
Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц лёгкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг
Все чувства поражает вдруг.
Здесь кажут франты записные
Своё нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет.
Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь,
Блеснуть, пленить и улететь.

Красная площадь. Вид на Верхние Торговые ряды. Открытка. Издательство П. Фон-Гиргенсон. 1900-е гг.

Именно в Москву, в Благородное собрание, на зимние балы свозили со всей России дворянских девушек, подобно Татьяне Лариной, на «ярмарку невест». С целью выбора будущей супруги сюда же слетались молодые люди, служившие в Петербурге и в провинции. Балы, музыкальные вечера, «благотворительные базары» (вспомним чеховскую «Анну на шее») продолжались в Благородном собрании с поздней осени до весны. Действительно, нередко заведённые

там знакомства заканчивались свадьбами. По свидетельству Владимира Алексеевича Гиляровского, даже сама улица Большая Дмитровка в старину называлась Клубной или Дворянской.

Но если в Благородное собрание любому дворянину попасть было сравнительно легко, то бывали в Москве балы, на которые гостей приглашали по строгому выбору, по именному, личному билету. Это практиковалось не только в частных домах, но и в закрытых дворянских учебных заведениях. Ежегодно такой бал давался на святках в Екатерининском институте благородных девиц, в котором учились девушки только из родовитых семей, старинных русских фамилий. Молодые люди почитали за высокую честь и счастье для себя быть приглашёнными туда. Екатерининский институт помещался в одном из лучших зданий старой Москвы (архитекторы И. Д. и Д. И. Жилярди, А. Г. Григорьев, 1808–1827 годы). Теперь это – здание Центрального дома Российской Армии (Екатерининская, ныне Суворовская площадь, д. 2.).

Итак, с конца ноября по март Москва отплясывала на дворянских балах, которых иногда приходилось по 40–50 на один день. «Везде поспеть не мудрено...» Англичанин Ж. К. Пойль, посетивший Москву в начале XIX в... вспоминал: «Московское гостеприимство со своими балами совершенно нас заполонило. Ни одного дня не имею роздыха для моих страннических ног».

Современники замечали, что в отличие от балов, которые давало высшее общество Петербурга, московским балам была свойственна какая-то семейственность.

Обыкновенно бал начинался около шести вечера. На лестнице и стенах у богатых людей зажигались восковые свечи, у тех, кто победнее сальные. В люстрах, канделябрах и бра на стене обыкновенно горели свечи-аплике. Особые мальчишки-казачки со специальными щипцами должны были следить, чтобы оплывшие свечи не чадили и не коптили, снимая с них нагар. К началу XIX века немногие богачи обзавелись редкими тогда масляными лампами. Вообще освещение было такое слабое, что от одного конца залы до другого можно было едва друг друга узнать. Швейцар возвещал звонком о приезде гостей. Лакей громко называл фамилию прибывших. В передней гостей встречали хозяева дома и вели в гостиную. Начинались взаимные приветствия. Обязательно где-нибудь организован буфет, с прохладительными напитками, чаем, сладостями и фруктами спасались от духоты и копоти бальных залов. Здесь постоянно толпились гости: «Пока мы дожидались нашей очереди, чтобы напиться лимонаду, один приземистый барин успел пропустить в себя пять чашек чаю и проглотить с полдюжины сдобных булочек; но, по крайней мере, он ничем не запасался, а в двух шагах от него какая-то пожилая барыня преспокойно набивала конфетами свой огромный ридикюль, который начал уже принимать форму довольно увесистого кулька...»

Рассылать приглашения на бал в Москве было не принято. По особым билетам являлись лишь на придворные балы. Балы и танцевальные вечера у богатых людей назначались в определённые дни. К примеру, по понедельникам – у П. Х. Оболянинова, по вторникам – у П. М. Дашкова, по средам – у Н. А. Дурасова и т. д. «Так водится в московском большом свете, одни ездят к хозяину, другие к хозяйке, а часто ни тот, ни та не знают гостя, что, впрочем, случается более тогда, когда дают большой бал. Тогда многие привозят знакомых своих, особенно танцующих кавалеров. Иногда подводят их и рекомендуют хозяину или хозяйке, а часто дело обходится и без рекомендаций», – вспоминал Василий Николаевич Погожев.

Особенные балы давались по вторникам в здании Благородного собрания, вокруг которого формировалось все дворянство. Его членом мог стать любой российский дворянин. Дом располагался на углу Охотного ряда и Большой Дмитровки, приобретён у бывшего генерал-губернатора князя В. М. Долгорукого и заново отстроен архитектором М. Ф. Казаковым. Здесь проходили заседания Московского губернского дворянского собрания, давались знаменитые балы, маскарады, концерты.

Просторная зала в красивом здании не имела себе подобной в России. По вторникам здесь проходили балы, на которые съезжалось от трёх до пяти тысяч человек. Здесь были все:

от вельможи до мелкопоместного дворянина. Князь Петр Андреевич Вяземский вспоминал: «Мы все, молодые люди тогдашнего поколения, торжествовали в этом доме вступление своё в возраст светлого совершеннолетия». Действительно, для многих это место служило отправной точкой во взрослую жизнь. Родители привозили своих дочерей, надеясь удачно выдать их замуж. Здесь молодые люди познакомились между собой».

А вот что пишет завсегдатай балов, однокашник М. Ю. Лермонтова по Университету, Петр Федорович Вистенгоф: «Благородное собрание обыкновенно открывается 20 ноября или блестящим балом 6 декабря, в день тезоименитства императора, и закрывается денным балом в субботу на Масленной неделе: тут вы можете видеть всех московских красавиц и невест в полном блеске их настоящей красоты, при дневном свете и лучах уже весеннего солнца... Маскарады Благородного собрания разнообразны и даже очаровательны. Съезд на них бывает в 11 часов вечера, иногда и позже. Огромная зала горит яркими огнями, которые, отражаясь, играют на ее светлых мраморных колоннах; на хорах стройный оркестр гремит польский, тот долгий, восхитительный польский, когда мимо вас таинственные маски мелькают, как мягкие тени, мистифицируя всеми возможными способами...»

Кто знает, может быть на одном из таких маскарадов Михаил Лермонтов и придумал свой «Маскарад».

Конечно, предстоящий бал и бальный наряд всецело занимал умы москвичек и москвичей, а уж провинциальной молодежи вообще было не до сна! Молоденьким девицам принято было надевать легкое, простое, не слишком открытое светлое (чаще белое или жемчужных оттенков, «слоновой кости», легкий беж) платье. Причесывали лучшие цирюльники – парикмахеры, к которым записывались за несколько месяцев. Они выезжали на дом, прическу до бала никто не должен видеть. Модным считалось украшать волосы живыми цветами: маргаритками, крохотными букетиками лиловых фиалок, конечно розами. Из драгоценностей прилична лишь нитка жемчуга. Дамы постарше щеголяли в бриллиантах, а молоденьким девчонкам это было «противопоказано». Бальные женские туфли представляли собой плотные тапочки из тонкой кожи и бархата, с округлым носком, без каблука. Непременным атрибутом бального костюма для дам были веер и перчатки.

Пластины вееров делали из слоновой кости, перламутра, черепахи, дерева, золота, серебра. «Экран» мог быть изготовлен из бумаги, шелка, кружева, атласа, бархата, птичьих перьев. Цвет тоже имел особое значение: белый – означал невинность, черный – печаль, красный – счастье, лиловый – смирение, голубой – постоянство и верность, желтый – отказ, зеленый – надежду, коричневый – короткое счастье, черный с белым – разрушенный мир, розовый с голубым – любовь и верность, убранный блестками – твердость и доверие. Если вышивка на веере золотая, то она символизирует богатство владелицы, серебро расскажет о ее скромности. Обращение с веером было своеобразной светской игрой. По тому, как дама держит его в руках, можно было догадаться о её эмоциях и желаниях. Веер был языком, на котором говорили любовники, повстречавшиеся на балу. Возьмите его в левую руку и приложите к правой щеке, и ваш кавалер поймет, что вы на все согласны. Если веер в правой руке, то – «нет»! Дама полностью раскрывает веер – «ты мой кумир», если веер закрыт и им постукивают по ладони – «все кончено». Дотронуться до веера, платка, букета считалось не приличным, фамильярностью со стороны молодого человека. Необходимой принадлежностью бала была бальная книжечка, которые теперь можно увидеть только в музеях. Дама вносила в нее имена своих кавалеров напротив каждого танца, так как приглашения на танец она получала еще до начала бала.

Нескучный сад. 1900-е гг.

Перчатки были атласные, сильно облегающие руку, светлого цвета. Дамы снимали их только за столом. Носить плохо одетые на руки перчатки, со складками или из толстой кожи, считалось признаком дурного тона. Напяливать их на руки – было сплошным мученьем, приходилось с силой протискиваться в очень узкие и тугие перчатки. Пользовались специальными растяжками. Перчатки быстро теряли форму и пачкались, стирать их было не принято, они превращались в мятую тряпку. Поэтому приходилось менять чуть ли не после каждого выхода в свет, и, как правило, заказывали их не меньше дюжины.

Во времена правления Николая I (1825–1856) мужчинам предписывалось приходиться на балы в мундирах, только были введены военные и гражданские мундиры. Дабы выразить свое несогласие с правлением и прослыть вольнодумцем, можно было придти на бал в штатском. Фрак указывал на то, что его владелец нигде не служит и не является для государства «благонадежным» человеком. В начале XIX века носили, в основном, цветные фраки (синий, зеленый, коричневый, оттенки красного). Черный цвет станет «бальным» позже, а пока он символ траура.

Специальный костюм для бала начал формироваться с 1801 года: это были сорочка с высоким накрахмаленным воротником, высокий темный атласный галстук-косынка, короткий жилет и фрак, головной убор – шляпа-цилиндр. Одежда, которая надолго стала «дворянской».

До середины XIX века кавалеры являлись на бал в туфлях, коротких штанах – кюлотах и плотных чулках. Танцевать в сапогах считалось неприличным. Офицеры снимали оружие и шпоры, чтобы не повредить платье дамы. Танцевали только в перчатках, но отводя даму на место и приглашая на танец, а также целуя её руку, кавалер снимал перчатку со своей правой руки. У мужчин перчатки были лайковые, светлые, также сильно обтягивающие руку, поэтому умение быстро успеть снять и надеть перчатку на руку, требовало определенной ловкости и постоянной «тренировки».

Франты появились уже в самом начале 1800-х гг., но тогда, во времена Павла I, появившийся на балу владелец очень модного, эксцентричного костюма мог иметь неприятности с

полицией. В моду вошла бесформенная прическа а la Титус, свисающие на лоб и виски завиточки. Усы и бороду дворянам было носить неприлично, поэтому довольствовались бакенбардами. Модным стало носить часы, у некоторых модников их было даже по двое. Носили их в жилетном кармане на цепочке или шнурке. В начале 40-х годов появилась мода на стёклышко в глазу (монокли).

Молодой человек, желающий быть принятым в светском обществе, был обязан не только одеваться по моде, но и быть в высшей степени «комильфо»: говорить по-французски, танцевать, знать сочинения новейших авторов, уметь вести разговор о театре и музыке, продекларировать пару сочинений модного поэта. Манеры состояли в умении правильно кланяться, ходить, стоять, сидеть, танцевать. Если сидеть, то спокойно, не кладя ногу на ногу, не перебирая руками шляпы и пуговиц, кусать губы, ногти, очень неучтиво было зевать. Аристократическое образование дополнялось уроками танцев: «... сначала учили нас, как входить в комнату, как шаркать ногой, соблюдая при этом, чтобы голова оставалась неподвижной, как подходить к дамской ручке и отходить, не поворачиваясь правым, но непременно левым плечом; затем начинались танцы...», – вспоминает в «Литературных воспоминаниях» Дмитрий Васильевич Григорович.

Нескучный сад. 1900-е гг.

В первой половине XIX века появляется новый тип идеально одетого мужчины – дэнди. Они отличались не только костюмом, но и манерами. Истинный дэнди имел томный, равнодушный вид, кидал презрительные взгляды на дам сквозь лорнет, отличался независимостью характера и скукой, выказывая её на английский манер. Пристально разглядывать или смотреть в упор на дам в свете считалось верхом неприличия. Таким образом, дэнди демонстративно нарушали, принятые в светском обществе, правила. Однако по воспоминаниям Елизаветы Петровны Яньковой, урождённой Римской-Корсаковой: «...многие знатные старики гнушались новою модой и до тридцатых еще годов продолжали пудриться и носили французские кафтаны. Так, я помню, некоторые до смерти оставались верны своим привычкам: князь Куракин, князь Николай Борисович Юсупов, князь Лобанов, Лунин и еще другие, умершие в тридцатых

годах, являлись на балы и ко двору одетые по моде екатерининских времен: в пудре, в чулках и башмаках, а которые с красными каблуками...».

Были и так называемые «детские балы». Они устраивались в первую половину дня либо в частных домах, либо у танцмейстера. Туда привозили и совсем маленьких детей, но танцевали также и девочки до четырнадцати лет. Невестой можно было стать уже в пятнадцать лет, в то время, – это возможный возраст для замужества.

Ну и конечно какой бал без танцев. В них принято было участвовать даже беременным женщинам. Нередко такие вечера представляли настоящую угрозу для здоровья. В танцевальных залах было жарко, платья из легких тканей. На улице мороз! Переохлаждение после жарких танцев часто приводило к простуде и воспалению легких. На балу необходимо было безукоризненно выглядеть, контролировать каждое свое движение и слово, при этом казаться веселым, приветливым и естественным.

В начале столетия бал начинался полонезом, который больше походил на прогулку под музыку по залам, где мужчины предлагают руку дамам, и пары степенно обходят большую залу и прилегающие к ней комнаты. Первой парой шли хозяин и самая почётная гостья, вторыми – хозяйка с самым почтенным гостем. Этот танец длился не менее получаса.

Дом В.И. Фирсановой/ Благородное собрание. Из альбома «Архитектурные памятники Москвы». Художественная фототипия К. Фишера. 1904-05 гг.

За ним следовали лёгкие танцы – экосез и экосез-кадриль, мазурка и, не совсем «приличный» вальс. Вальсирование в некоторых домах считали непристойным из-за близости партнёров во время танца. Это «унижало» достоинство женщины! Но танец стал невероятно модным, и окончательно «победил», после проникновения в Россию музыки «короля вальсов» Иоганна Штрауса. Завершал вечер обычно котильон, который мог длиться около трёх часов и больше. Это такой танцевальный марафон из разных танцев – вальса, мазурки, польки. Исполнялся он

всеми участниками в конце бала. Разнообразие Котильона зависело от ведущей пары – кавалер – «кондуктор» давал сигнал оркестру, громко называя фигуры, и следил за правильностью движения пар. После те, кто остался «живым», еле передвигая ноги, разъезжались по домам. И поскольку это было очень важно, обучение танцам начиналось рано – с пяти-шести лет. Не любовь к танцам и неумение танцевать считалось серьезным пробелом в воспитании. Александр Пушкин начал учиться танцам уже в девять лет, т. е. поздно. До лета 1811 года он с сестрой посещал танцевальные вечера у Трубецких-Бутурлиных и Сушковых, а по четвергам – детские балы у московского танцмейстера П. А. Йогеля, который считался одним из лучших учителей балных танцев первой половины XIX века. Не уступали известности также балы Гастана Мунаретти, или Гайтан Антоныча, как называли его москвичи. Он присылал за некоторыми учениками свои сани, чтобы они не тратились на извозчика. Его танцевальный класс располагался в 1818 году на Рождественской улице. Сюда ежедневно съезжались его ученики различных сословий, национальности и возраста. Часто во время уроков он предлагал ученикам завтрак, причем из итальянских блюд. За московскую щедрость, веселый нрав и оригинальность его маскарадов, горожане его любили. Он брал за уроки приличную плату, но обещал научить всем танцам, какие только известны в мире.

Помимо балов московские дворяне были родоначальниками клубного времяпрепровождения.

Легендарный Английский клуб был любимейшим местом встреч высшей московской аристократии. Он был основан в царствование Екатерины II жившими тогда в Москве иностранцами по образцу клубов Англии. В 1797 г. клуб был закрыт императором Павлом I и возобновил свою деятельность в 1802 году, после воцарения Александра I.

Тогда он разместился в доме малолетних князей Гагариных на углу Страстного бульвара (д. 15) и Петровки (ныне в этом здании – Московская Городская Дума). Здесь в 1806 году москвичи чествовали героя Шенграбенского сражения генерала П. И. Багратиона. Этот торжественный обед в Английском клубе ярко описан в романе Л. Н. Толстого «Война и мир». Во время французской оккупации в этом доме нередко бывал молодой офицер-интендант наполеоновской армии Анри Бейль – будущий знаменитый писатель Стендаль. «Этот город не был знаком Европе, – вспоминал он впоследствии, – в нём было от шестисот до восьмисот дворцов, равных которым не нашлось бы ни одного в Париже». Прежде всего, его поразил, конечно, роскошный дворец бывшего Английского клуба, построенный, предположительно, М. Ф. Казаковым. Сгоревший во время пожара 1812 года, дом этот только в 1826 году был восстановлен архитектором О. И. Бове и именно в таком виде дошёл до нашего времени. После этого клуб поменял несколько помещений (в течение целых восемнадцати лет он даже располагался в том самом доме на Большой Дмитровке, где находилось Училище колонновожатых).

В апреле 1831 года клуб переехал в новое помещение – дом графини М. Г. Разумовской на Тверской, со «львами в воротах», которые были упомянуты А. С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин» при описании прибытия Лариных в Москву.

(Это дом № 21 по Тверской улице – ныне Музей современной истории России). В этом особняке он и находился до 1917 года.

Быть членом Английского клуба было не просто почётно, это означало принадлежать к самым сливкам общества.

Жизнь Английского клуба строилась в соответствии со строгим Уставом. Принимались в него только дворяне – мужчины, женщины в него не допускались. Естественно, поэтому в нём не устраивали никаких балов или музыкальных вечеров. Время там проводили в роскошных обедах и ужинах, спорах и дискуссиях, чтении газет и журналов (библиотека Английского клуба славилась как одна из лучших в Москве). Но главное, там шла крупная карточная игра на деньги, во время которой проигрывались иногда целые состояния. Число членов клуба в XIX веке составляло всего 350–400 человек, поэтому многим приходилось ждать очереди по

10 лет и более. Запись в кандидаты состояла из 1000 фамилий. В члены клуба принимались дворяне исключительно тайным голосованием. В баллотировке должны были участвовать не менее сорока пяти человек, и для того, чтобы быть избранным, надо было получить не менее двух третей голосов. Избирателям выдавали черные и белые шары: 2 трети белых шаров означало поступление в клуб. В случае неизбрания кандидата Устав запрещал предлагать его вторично. Принятый в члены клуба должен был ежегодно платить членские взносы и возобновлять свой билет, иначе считался выбывшим из клуба.

Впрочем, и просто гостям-посетителям, здесь были всегда рады. Сохранились воспоминания писателя Степана Петровича Жихарева: «По милости брата И. П. Поливанова, я, наконец, хотя гостем, попал в Английский клуб – и как доволен! Он обещает записывать меня, когда только захочу, и я завтра же буду там обедать. Какой дом, какая услуга – чудо! Спрашивай чего хочешь – все есть и все недорого. Клуб выписывает все газеты и журналы, русские и иностранные, а для чтения есть особая комната, в которой не позволено мешать читающим. Не хочешь читать – играй в карты, в бильярд, в шахматы, не любишь карт и бильярда – разговаривай: всякий может найти себе собеседника по душе и по мысли. Он показался мне каким-то особым маленьким миром, к котором можно прожить, обходясь без большого. Об обществе нечего и говорить: вся знать, все лучшие люди в городе членами клуба. Я нашел тут князей Долгоруких, Валуева, смоленского Апраксина, екатерининского генерала Маркова с георгиевскою звездою, трех князей Голицыных, сенаторов, Карамзина, И. И. Дмитриева, Пушкиных...». Действительно, членами были три поколения Пушкиных: отец Александра Сергеевича – Сергей Львович и его дядя – Василий Львович, сам великий поэт и его старший сын Александр Александрович, впоследствии генерал, Гончаровы – дед и братья Н. Н. Пушкиной, а также поэты П. А. Вяземский, И. И. Дмитриев, Е. А. Баратынский, Н. М. Языков, Д. В. Давыдов, Ф. И. Тютчев, писатель М. Н. Загоскин, историк М. П. Погодин, издатель Н. А. Полевой, музыкант граф М. Ю. Виельгорский и актёр М. С. Щепкин. Там встречались и часто спорили люди самых разных убеждений: почти недоступный в другое время знаменитый князь Н. Б. Юсупов и известный кутила и бретёр граф Ф. И. Толстой (Американец), многие декабристы, друзья А. С. Пушкина – П. В. Нащокин, С. А. Соболевский, П. Я. Чаадаев. Весь «цвет» дворянской Москвы!

Английский клуб упоминается в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, подробно описан в «Декабристах», «Войне и мире» и «Анне Карениной» Л. Н. Толстого. Обстоятельный очерк посвятил ему В. А. Гиляровский.

Среди любимых развлечений особое место занимал театр, прежде всего театры Императорские. В Большом театре часто выступали европейские знаменитости, посещавшие Москву, в их числе французские и итальянские артисты, поэтому он всегда был одним из мест притяжения московского света. Интересно, что в XIX веке в нём нередко ставились и драматические спектакли, которые впоследствии сосредоточились в расположенном рядом Малом театре, который москвичи называли «вторым московским университетом». По степени воздействия на умы зрителей, особенно после того, как в нём начали ставить пьесы А. Н. Островского, а в труппе сосредоточились гениальные актёры М. С. Щепкин, П. С. Мочалов, и затем Г. Н. Федотова и М. Н. Ермолова, этому театру не было равных. Процветали домашние театры, в которых играли крепостные артисты. Самым лучшим был, конечно, шереметевский театр в Останкине.

Очень популярными среди всех слоёв московского населения были гуляния: на Масленицу, Пасху – «Подновинское», на 1 мая – в Сокольниках, в семик – в Марьиной роще, позднее – на Пресненских прудах. Любили москвичи также скачки и разные конные соревнования. Первоначально их стал устраивать знаменитый граф А. Г. Орлов-Чесменский близ своей усадьбы в Нескучном для развлечения своих родных и знакомых. Впоследствии такие сорев-

нования стали организовывать по всему городу, даже на льду Москвы-реки зимой, прямо у стен Кремля. Роскошные гонки в санях устраивали в аллеях Петровского парка.

Дом гр. Соллогуб на Поварской улице. Из альбома «Архитектурные памятники Москвы». Художественная фототипия К. Фишера. 1904-05 гг.

Образ дворянской Москвы в сознании большинства из нас ассоциируется с пушкинской Москвой. А. С. Пушкин – «шестисотлетний дворянин» – был связан с Москвой множеством крепких нитей: здесь с незапамятных времен жили его предки – Пушкины и Чичерины. Здесь он родился 26 мая (6 июня нового стиля) 1799 года в Немецкой слободе в приходе церкви Богоявления, где и был крещен 9 июня (Елоховская площадь, д. 15). Здесь прожил первые двенадцать лет жизни. Именно в Москве, в Кремле произошла в 1826 году встреча ссыльного поэта с императором Николаем I, после которой, неожиданно для себя, он оказался «на свободе». Здесь жили его друзья – П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, наконец, душевный друг – П. В. Нащокин. В Москве, на балу в доме Иогеля (Тверской бульвар, д. 22, на месте нового здания МХТ имени М. Горького), он встретил юную Ташу Гончарову – свою будущую жену. В церкви Большого Вознесения у Никитских ворот они обвенчались и первые месяцы после свадьбы прожили на улице Арбат, в доме № 53. И в дальнейшем, приезжая в Москву из Петербурга, Пушкин не раз останавливался у своих ближайших друзей, чаще других у Нащокина, обычно – по адресу Гагаринский переулок, 4. А в последний приезд – в Воротниковском переулке, 10.

Павел Воинович Нащокин не случайно, в течение длительного времени, имел дом в западной части города – в первой трети XIX века это был самый популярный среди дворянства район Москвы. Уроженец этих мест – революционер – анархист князь П. А. Кропоткин называл район между Арбатом и Остоженкой «Сен-Жерменским предместьем Москвы», намекая на то, что там обитали представители самых древних аристократических родов Москвы.

Что же касается внешнего облика дворянской Москвы, то в её архитектуре ясно прослеживаются два основных периода её расцвета: так называемые «казаковская Москва» и «Москва после-пожарная». Даже простое перечисление наиболее выдающихся зданий, построенных в конце XVIII века, убеждает в том, насколько велика была роль в создании образа города выдающегося архитектора Матвея Фёдоровича Казакова. Недаром среди исследователей архитектуры русского классицизма прочно закрепились термины «казаковская Москва», «казаковский классицизм».

Друг и соратник другого гениального зодчего той эпохи – В. И. Баженова, создававшего грандиозные, великолепные, но малореальные архитектурные фантазии, Казаков отличался от него тем, что твёрдо стоял на родной почве, строил здания и ансамбли, не только не нарушающие исторически сложившуюся ткань древнего города, но удивительно органично в неё вписавшиеся. Одним из главных, хотя сравнительно ранних, произведений М. Ф. Казакова был уже упоминавшийся Сенат в Кремле, чуть раньше Сената, в 1775–1779 годах, по следам знаменитого праздника в честь победоносного Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией, который он оформлял вместе с Баженовым, Казаков возвёл за Тверской заставой, на Петербургском шоссе Петровский царский подъездной дворец. На рубеже 70–80-х годов XVIII века Казаков возводит на берегу речки Неглинной Храм Науки – Московский Университет, а в 1784 году московское дворянство доверяет ему перестройку бывшего дома генерал-губернатора В. М. Долгорукова-Крымского для Дворянского собрания. Строил М. Ф. Казаков и храмы, и больницы, среди них такие шедевры, как Голицынская (ныне – одно из зданий городской больницы № 1 – Ленинский проспект, д. 8) – и Павловская больницы (ныне – городская больница № 4 – Павловская улица, д. 23–25)., но особая статья его многогранного творчества – это, конечно жилые дома. Ими была застроена, практически, вся главная – Тверская улица. Самым знаменитым жилым зданием на ней был дом Козицкой (д. 14). У падчерицы её дочери – княгини Зинаиды Александровны Волконской – в этом доме собирался весь цвет литературной и музыкальной Москвы. Посетителями салона Волконской были А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Д. В. Веневитинов, Адам Мицкевич и другие. Здесь в декабре 1826 года состоялись проводы в Сибирь к мужу-декабристу родственницы хозяйки – М. Н. Волконской. К сожалению, когда в конце XIX века дом приобрели петербургские купцы братья Елисеевы, они полностью перестроили его под свой знаменитый гастроном, а последняя реконструкция конца 1990-х доконала самый известный московский магазин.

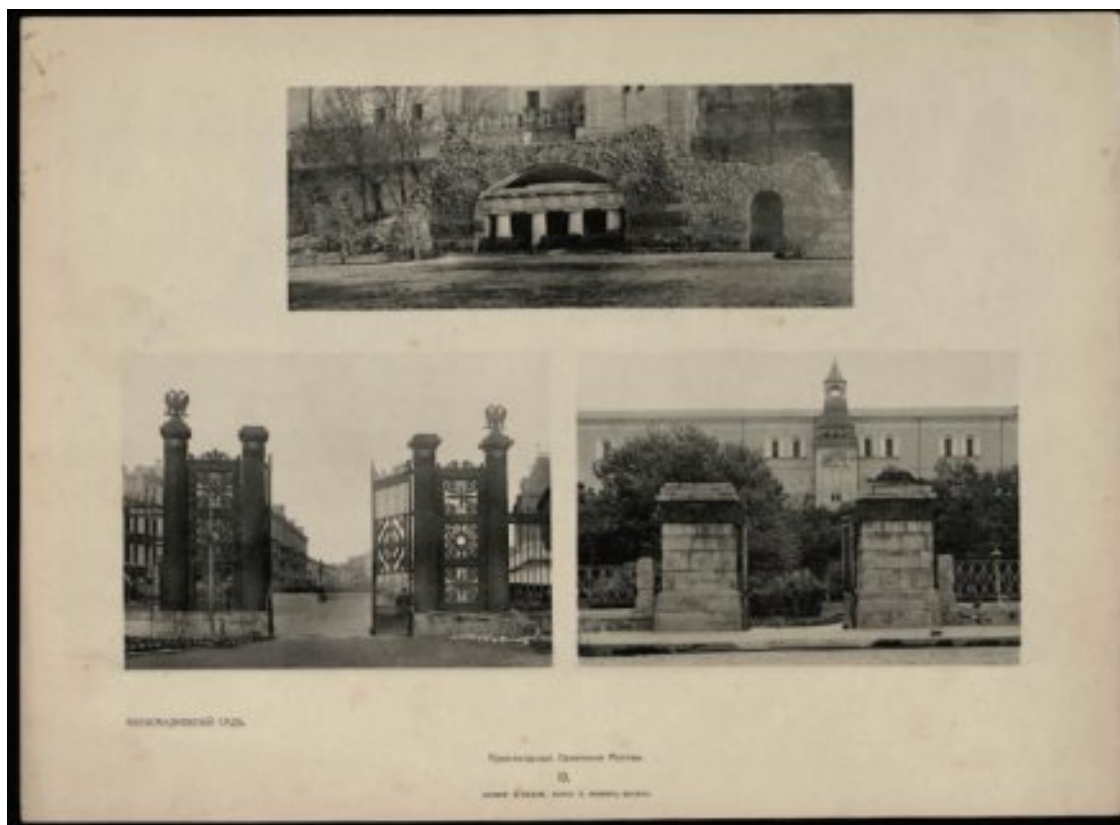
Но сохранился, к счастью, почти полностью, замечательный дом И. И. Демидова (Гороховский переулок, 4) Этот дом знаменит своими уникальными парадными интерьерами, так называемыми «золотыми комнатами». Эти комнаты, действительно, отделаны золотом, но с большим вкусом и чувством меры. Стены этих помещений затянуты штофными обоями, потолки украшены тончайшей лепниной. Золото нежно-розового, салатного, сиреневого оттенков в отделке дверей и деревянной резьбы сочетается с матовым и откровенно-блестящим. Посетить этот очаровательный дом можно только два раза в году: в Дни исторического наследия – 18 апреля и 18 мая. В эти же дни можно побывать в бывшем доме Барышниковых на Мясницкой (дом № 42) – тоже пример блистательного мастерства Казакова.

Но любимый город был возрождён после пожара 1812 года следующим поколением московских зодчих, прежде всего – руками воспитанных Казаковым учеников. Восстановление Москвы стало делом чести русских людей. Целая плеяда архитекторов сделала возможным знаменитый грибоедовский парадокс: «Пожар способствовал ей много к украшению». Возглавил эту титаническую работу также ученик Казакова – Осип Иванович Бове.

Неоценима заслуга О. И. Бове в создании парадного центра Москвы. Он восстанавливает разрушенные кремлёвские здания, стены и башни, благоустраивает Красную площадь, строит величественное здание Верхних торговых рядов с мощным колонным портиком в центре. «Столбы», – говорили в народе. На месте заключённой в трубу реки Неглинной он раз-

бывает Александровский сад, с прекрасными аллеями, гротом, прелестными видами на вновь создававшееся полукольцо парадных площадей вокруг Кремля. Сад сразу становится одним из любимейших мест отдыха московской знати. Наряду с Тверским бульваром, Александровский сад являлся дворянским клубом под открытым небом. Здесь назначали встречи со знакомыми, сюда привозили в каретах юных барышень, которые в сопровождении гувернанток гуляли по аллеям.

Но, пожалуй, самая яркая работа Бове – это Театральная площадь. Она представляла собой в плане прямоугольник, на одной из коротких сторон которого находился Большой Петровский театр (перестроен А. К. Кавосом после грандиозного пожара 1853 года). На четырёх углах площади стояли однотипные по архитектуре двухэтажные здания. С юга же она была распахнута в сторону Китай-города. От Большого театра открывалась чрезвычайно живописная картина: главы многочисленных церквей за китайгородской стеной. К сожалению, от четырех фланкирующих площадь корпусов почти неизменным сохранился только один – здание Малого театра. Остальные в конце XIX – начале XX веков были перестроены до неузнаваемости – это гостиница «Метрополь» и нынешний Молодежный театр. На месте четвертого здания – бывшей гостиницы «Гранд-отель» – в 1977 году была выстроена вторая очередь гостиницы «Москва». В середине площади стоял водоразборный фонтан работы И. П. Витали (теперь перенесен ближе к площади Революции). Ансамбль Театральной площади даже один мог навсегда увековечить имя своего создателя, но О. И. Бове предстояло еще возвести торжественный, величественный памятник у Тверской заставы. Сам участник Отечественной войны 1812 года, куда он отправился добровольцем, лихой драгун, принимавший участие в Бородинском сражении, а в 1813 году, вернувшийся восстанавливать испепеленную пожаром Москву, Бове вложил всю свою душу в возведение монументальных Триумфальных ворот на месте деревянных, через которые в 1816 году возвращались в Москву доблестные победители Наполеона. И в этой блестящей работе его подлинным соавтором стал скульптор И. П. Витали. Триумфальная арка, уничтоженная в 1936 году, восстановлена без окружавших ее кордегардий в 1968 году на площади Победы.

Александровский сад. Из альбома «Архитектурные памятники Москвы». Художественная фототипия К. Фишера. 1904-05 гг.

В любом русском городе мостовые в начале века были большой редкостью. Красная площадь была замощена булыжником только в 1804 году. О том, как в начале века выглядели улицы Москвы, вспоминает современник Н. В. Давыдов: «В переулках с домами чередовались заборы, не всегда прямо державшиеся; освещение было примитивное – гарным маслом, причем тускло горевшие фонари, укрепленные на выкрашенных когда-то в серую краску деревянных неуклюжих столбах, стояли на большом друг от друга расстоянии. Благодаря этому и более чем экономичному употреблению в дело фонарного масла... в Москве по ночам было решительно темно, площади же с вечера окутывались непроницаемым мраком. Грязи и навозу на улицах, особенно весной и осенью, было весьма достаточно, так что пешеходы теряли в грязи калоши, а иной раз нанимали извозчика специально для переправы на другую сторону площади; лужи, бывало, стояли подолгу такие, что переходить их приходилось при помощи домашними средствами воздвигнутых мостков и сходней». Большинство фонарей укреплялось на стенах домов и незначительная часть – на деревянных, окрашенных полосами серой и белой краской столбах. Фонари работали с 1 сентября по 1 мая по 18 дней в месяц, зажигались с наступлением темноты и гасились в три часа утра. Средства на освещение брались из городского бюджета. Им ведали брандмайоры пожарных депо при полицейских участках города.

Владельцы недвижимости обязаны были штукатурить или красить положенными цветами строения, не иметь безобразных наружных труб у домов, мостовые и тротуары содержать в исправном виде и при малейших повреждениях исправлять, летом мостовые мести в 3 или 4 часа утра, выравнивать ухабы зимой и очищать нечистоты. Предписывалось не иметь выбитых и грязных стекол снаружи и на место разбитых вовремя вставлять новые. В Приказе московского обер-полицмейстера, флигель-адъютанта полковника Муханова от 1832 г. указывалось, что домовладельцы должны были красить фасады своих домов в определённые цвета: «Господин московский военный генерал-губернатор и кавалер, в проезде по Новинскому валу, изво-

лил заметить дом купца Золотарева, окрашенный безобразной голубой краской. Вследствие отношения ко мне директора Комиссии Строений, прошу господ частных приставов строго наблюдать, дабы обыватели столицы не красили домов своих безобразными красками, а руководствовались бы в таких случаях рисунками в частных домах имеющимися, в коих обозначены Высочайше утвержденные колера всем краскам, коими должны быть дома крашены».

В обязанности каждого владельца недвижимой собственности в Московской столице входило: исправно вносить в Городскую Думу определенную сумму с оценки недвижимой собственности, а также быть записанным в городовую обывательскую книгу по наличию недвижимой собственности.

Кстати о недвижимости. В жилой застройке дворянской Москвы в первой половине XIX века преобладали жилые дома особнякового типа на одно семейство. В основном одноэтажные с антресолями или мезонином. Каменные дома разрешено было строить в несколько этажей, деревянные – в один этаж. Антресоли, бывшие фактически вторым этажом, по высоте не ограничивались, поэтому получили широкое распространение. Деревянных домов в Москве на тот момент было значительно больше. Их насчитывалось 6543, тогда как каменных – 2200.

Вероятно, дворовые, самая многочисленная в городе сословная группа, как и большая часть крестьян, жила в чужих домах. Рабочие мануфактур жили в построенных для них владельцами казармах и в отдельных домах. Другие рабочие снимали каморки у бедняков на окраинах. Хозяева часто устраивали жилые помещения в нижних этажах и подвалах своих домов. Условия проживания в таких помещениях были соответствующими.

Москва застраивалась без определённого плана, без каких-либо правил архитектуры. Как отмечает В. Г. Белинский: «Стоит час походить по кривым и косым улицам Москвы, – и вы тотчас же заметите, что это город патриархальной семейственности: дома стоят особняком, почти при каждом есть довольно обширный двор, поросший травой и окруженный службами».

В Москве в начале XIX века многие помещики обзаводились своими усадьбами с выгонами для скота, фруктовыми садами и огородами. В помещичьем доме двор всегда был наполнен дворовыми людьми.

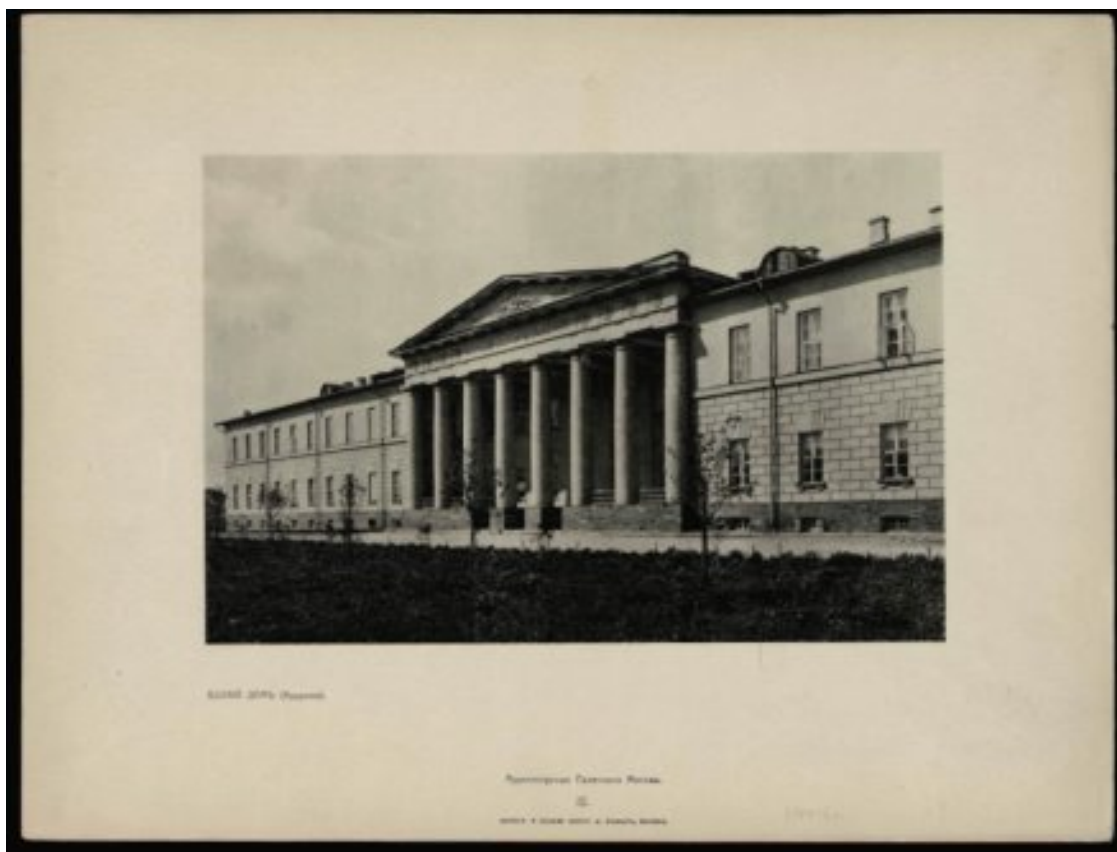
Домики мелких и средних московских обывателей строились «на улицу», как в деревнях, и стояли очень плотно, пока не прерывались пустырем или погостом. Большие дома зажиточных и богатых людей ставились в глубине обширных дворов, и иногда по улицам тянулись бесконечные заборы. Такие усадьбы занимали огромные площади и действительно напоминали богатые помещичьи загородные владения. М. Н. Загоскин описывает одну примечательную сцену из московской жизни: «Мы приехали на четвертые сутки довольно поздно вечером и остановились у родной тетки Двинского Марьи Степановны Заозерской, которая жила в своих наследственных деревянных хоромах на Чистых прудах. Я не знаю, что больше меня поразило, наружная ли форма этого дома, построенного в два этажа каким-то узким, но чрезвычайно длинным ящиком, или огромный двор, на котором наставлено было столько флигелей, клетушек, хлевушков, амбаров и кладовых, что мы въехали в него точно как будто в какую-нибудь деревню. В лакейской мы разбудили нашим приходом двух слуг, которые преспокойно почивали на деревянном конике; один из них был в поношенной ливрее, с напудренной головой, другой – в суконном сюртуке с оборванными петлицами. Спросонья они кинулись как шальные снимать с нас шубы, засуетились и уронили столик на трех ножках, на котором стояла шашечница и горела сальная свеча, воткнутая в бутылку. На этот шум вышел из столовой, и, к счастью, со свечкою, толстый старик в немецком кафтане и камзоле, с красной рожей, отвислым подбородком и огромным чревом: это был дворецкий Марьи Степановны... Весь двор ее пришел в движение: зеленый попугай засвистел, как соловей-разбойник, со всех сторон кинулись к нам под ноги с громким лаем три болонки, две моськи и одна поджарая английская собачонка».

Первые этажи особняков занимали парадные и бытовые помещения. Окна парадных помещений выходили на улицу. Жилые комнаты – спальня, кабинет, буфетная – располагались на первом этаже, но ниже, были меньше по площади и выходили окнами во двор. Остальные жилые комнаты располагались выше, на антресолях. Над домом мог быть надстроен ещё один этаж – мезонин, комнаты которого также были жилыми. Отсюда можно было любоваться видами из окна. Красивому виду из окна придавали большое значение. О нём всегда упоминали в объявлениях, когда дом сдавался внаем.

Приемные были не у всех, зато в каждом даже самом маленьком дворянском доме была гостиная. Самая парадная комната, в которой стены либо обтянуты штофом, либо холстом с росписью. На окнах драпировки, большие зеркала. Обязательный в каждом доме камин с зеркалом, каминные часы, различные статуэтки и безделушки. Перед камином – экран, вышитый бисером или украшенный аппликациями. На потолке хрустальная люстра. По стенам свечные бра или масляные лампы с экранами. На стенах много картин, полы закрыты коврами. Обычно в центре мягкий диван для хозяйки и гостей, со столом перед ним, несколькими креслами и стульями вокруг. На столе мог быть альбом, ставший важным элементом дворянской культуры. Сюда хозяйка и гости записывали стихи, афоризмы, рисовали рисунки. В углу находился музыкальный инструмент: клавикорд или рояль.

Из гостиной можно было легко перейти в столовую. Здесь был длинный стол, обставленный вокруг стульями. Во время званных обедов рассаживаться необходимо было каждому на свои места, «по чинам». Во главе стола сидели хозяева, рядом с ними самые почетные гости, и в самом конце – самые незначительные гости, дети хозяев, их учителя и воспитатели. Иногда напротив стульев ставили карточки с именами. К столовой могла примыкать буфетная. Здесь хранили столовое белье, посуду, сюда приносили готовые блюда и подогревали тарелки. А вот кухни располагались в самых отдалённых помещениях из-за запахов и чада от готовки. В небогатых домах приемной, столовой и танцевальной комнатами мог служить зал.

В 1820—1830-е гг. частные дома городских обывателей, «имеющих средства», стали выглядеть как богатые особняки. В таких хоромах помимо основной гостиной, могло быть несколько малых. Здесь уже вольготно было расставить мягкие диваны со столиками, а также ломберные столы. Карточные игры были очень популярны, сей семьей играли в «стуколку», постукивая костяшками пальцев о стол, в «горку», «мушку» и пр. Эти карточные забавы сопровождались общим весельем, смехом и шутками. В азартные игры (банк, фараон, баккара) играли только мужчины, преимущественно в кабинете хозяина, где порой проигрывали целые состояния. В 1802 году в Москве произошел скандал: князь Александр Николаевич Голицын, известный картежник и мот, проиграл в карты свою жену, княгиню Марию Гавриловну (урожденную Вяземскую). Счастливчиком оказался знатный московский барин Лев Кириллович Разумовский. Все городские дамы были на стороне несчастной Марии Гавриловны, которая тут же подала на развод, что само по себе было невероятным в те времена. Однако, сенсация случилась через год, когда Мария Гавриловна вышла замуж за Льва Кирилловича. Присутствующие на свадьбе говорили в один голос, что «молодая была в крайне веселом расположении духа».

Вдовый дом. Из альбома «Архитектурные памятники Москвы». Художественная фото-типия К. Фишера. 1904-05 гг.

Почти в каждом дворянском доме обязательно найдете библиотеку с высокими или небольшими шкафами для книг, обычно сделанными на заказ. Здесь были картины, гравюры, а также могли находиться предметы, которые коллекционировали хозяева: монеты, медали, оружие, картины, скульптуру, минералы, морские раковины и пр.

При анфиладном расположении комнат все они были проходные, что было крайне неудобно. Поэтому помимо большого количества парадных апартаментов необходимы были и особые жилые покои, делившиеся на мужскую и женскую половины. К спальне (будуару) примыкала уборная, где хозяйка одевалась, причесывалась, пудрилась. Но многие обходились и без нее. У взрослых детей были свои отдельные комнаты, маленькие дети пребывали в детских и классных комнатах, которые в основном устраивались в мезонинах. Рядом с этими комнатами располагались комнаты нянек, гувернанток, учителей. Эти помещения были тесные и с низкими потолками. Здесь же, как правило, пребывала и многочисленная прислуга. Служебным помещениям отводилась худшая часть дома, как правило, в цокольном, иногда заглубленном в землю этаже. Хозяева там не жили, но размещали часть прислуги, но в основном использовались для хранения хозяйственных нужд.

Все сферы жизненного уклада дворянства регламентировал светский этикет. Даже самая повседневная жизнь дворян подчинялась правилам приличия: распорядок дня, одежда, еда, убранство интерьера, прием гостей, застолье и т. д., эти правила были многочисленны. Им обучали с ранних лет, в процессе воспитания под руководством опытных наставников. Но мало было знать правила хорошего тона, основное в этикете – это умение сдерживать и контролировать свои эмоции.

Непременной составляющей светской жизни были визиты. Делались они из приличия или по поводу: первого знакомства, отъезда, поздравления, выражения сочувствия при болез-

нях или смертях, благодарности. Визиты принято было «возвращать». Не отдать визита – жестокое оскорбление и выражение пренебрежения.

Театральный сквер. 1913 гг.

На такие праздники как Рождество и Пасха, а также перед отъездом в путешествие, приходилось делать визиты в течение нескольких дней. Если хозяев не было дома или они не принимали, необходимо было оставить визитную карточку, но недостаточно просто отдать ее швейцару. Нужно было оставить знак о том, что вы хотели сказать своим визитом. Для этого надо было загнуть соответствующий угол или сторону карточки. Правила были таковы: загнутый верхний левый угол означал желание отплатить хозяевам за визит, верхний правый – поздравить, нижний левый – попрощаться, нижний правый – принести соболезнование. В начале XIX века карточки были цветные, тиснёные, с гирляндами, каймами, с рисунками в виде амуров, цветов, нимф или просто гербом владельца. С 1820—30-х гг., после войны все стало проще: бальные наряды, балы и визитные карточки. Чаще они были белые, без всяких украшений. Порой визитов нужно было сделать так много, что визитёры отправляли своих лакеев с визитными карточками в тот или иной дом, что порой занимало много времени из-за дальности расстояний. Но находчивые разносчики карточек нашли выход – они обменивались ими в специальных сборных местах, главное из которых было в Охотном ряду.

В каждом доме была специальная «визитерная» книга, где швейцар записывал имена посетителей, которые не пожелали оставить карточку. Например, оставить такую визитку в доме почтенного сановника или своего начальника по службе было невежливо.

В то время как в Петербурге знакомых посещали только в известные дни, часы и в назначенное время, иначе было непринято, для москвичей привычными оставались ежедневные визиты. Приемный день раз в неделю считался странным, хотя и модным, обычаем. Личные визиты могли делать уже в 10–11 часов утра, деловые начиная с полудня, и не позже двух часов,

потому что обыкновенно во многих домах в три часа сервировался обед. А приходить к обеду без приглашения – ужас!

Обязательными были так называемые «родственные визиты». Особое уважение и почтение соблюдалось не только по отношению к родителям и близким родственникам, но и к дальним, обычно довольно многочисленным. Младшее поколение обязательно должно было посещать старшее, особенно в праздники и по другим особым случаям. Известный писатель, мемуарист П. А. Вяземский писал: «Круг родства не ограничивается ближайшими родственниками; в Москве родство простирается до едва заметных отростков, уж не до десятой, а разве до двадцатой воды на киселе ... В тридцатых годах приехал в Москву один барин, уже за несколько лет из нее выехавший. На вечеринке он встречается нечаянно с одним из многочисленных дядюшек своих. Тот, обиженный, что племянник еще не был у него с визитом, начинает длинную нотацию и рацею против ослабления семейных связей и упадка семейной дисциплины. Племянник кидается ему на шею и говорит: «Ах, дядюшка, как я рад видеть вас. А мне сказали, что вы уже давно умерли». Дядюшка был несколько суеверен и не рад был, что накликал на себя такое приветствие».

Сокольники, Круг (вид Большого цветника с западной стороны). 1913 г.

Выезжая сделать визит, высший и средний классы щеголяли своими собственными экипажами и лошадьми. Только доктора, купцы и мелкая буржуазия ездили на паре лошадей. Аристократия или те, кто претендовал так называться, ездили в каретах и колясках, запряженных четверкой, цугом, с фореитором. Не имевшие собственного выезда обращались к услугам извозчиков. Извозчицьи биржи находились на всех площадях и почти на каждом большом перекрестке.

Важен был и внешний вид визитёра. Утренние визиты принято было делать в сюртуке, отправляться на обед или вечер во фраке. Люди военные до обеда делали визиты в сюртуке, а к обеду и вечером появлялись в мундире.

В журнале «Московский телеграф» регулярно сообщалось о новых визитных костюмах для мужчин и женщин. Неизменным же оставалось одно требование: костюм для визитов не должен быть излишне парадным для мужчин и чересчур нарядным для женщин.

Дам в начале века стали отпускать из дома чаще. Теперь они бывают не только в церкви и среди родственников. Родители развозят своих дочерей по гостям, в театры, на маскарады и гулянья. С шестнадцати лет девушка могла выходить в свет и посещать взрослые балы. Чтобы стать желанной невестой, она должна была уметь разговаривать на одном-двух иностранных языках, уметь танцевать и держать себя в обществе. Признаком хорошего воспитания также были умение рисовать, петь, играть на музыкальных инструментах. Желательно иметь небольшие знания по истории, географии и словесности. Но проявлять серьёзный интерес к науке считалось неуместным, чтение газет и журналов также не приветствовалось.

В обществе женщина постоянно должна была поддерживать свою репутацию: казаться ровной, спокойной, бесстрастной и владеть собой в совершенстве. Вообще женщина того времени начинала играть в жизни общества всё большую роль, они устраивали в своих домах литературные салоны, музыкальные вечера. Они считали своей обязанностью покровительствовать молодым писателям и поэтам, отыскивать новые певческие таланты.

Еще один штрих к образу москвича-дворянина XIX столетия: дуэль.

Порой это было единственным способом разобраться с обидчиком, восстановить свою честь после нанесённого оскорбления. Уклоняться от дуэли было позором. Если в первые годы правления Александра I дуэли редко бывали смертельными и дело заканчивалось ранением, поскольку чаще всего дрались на саблях и шпагах, то достаточно быстро холодное оружие было вытеснено пистолетами, что привело к увеличению смертельных исходов поединков.

Условия часто были чрезвычайно суровые – стрелялись с десяти, восьми, а иногда и трех шагов. Зачастую происходили нарушения правил и традиций ведения поединка. Нередко дуэлянты обходились без секундантов, иногда их было только двое, вместо положенных четырёх. Как правило, врачи на дуэли не приглашались, поэтому первая помощь опаздывала. Если оба промахивались, то становились к барьеру повторно, до кровопролития. До самого конца XIX века в России не было своих дуэльных кодексов и такие поединки были уголовным преступлением. В конце XVIII – первой трети XIX века за дуэль могли заключить в крепость на срок до года, разжаловать в солдаты с правом или без права выслуги, перевести в действующие части (обычно на Кавказ), из гвардии в армию тем же чином, иногда – в дальний гарнизон и т. п. Если дворянин не служил, то в качестве наказания назначалось церковное покаяние, иногда сопровождавшееся ссылкой в деревню или запретом въезда в столицы. Иногда участие в дуэли оставалось без последствий или ограничивалось нахождением под следствием. Православная церковь относилась к дуэлянтам как к душегубам и самоубийцам. Во времена наполеоновских войн – с 1805 по 1815 год – поединков стало меньше. Однако после дуэлянты снова засуетились. Это время характеризуется образованием тайных обществ, стремлением образованного дворянства во всем противопоставить себя господствующей системе, выразить свои политические взгляды и недовольства. Именно в декабристской среде появляется тип «идейного бретера». Бретером называли заядлого дуэлянта, готового драться по любому, самому ничтожному поводу, часто намеренно провоцировать противника.

Идеальным образцом такого типа был декабрист Михаил Сергеевич Лунин. Бравый гусар, участник Отечественной войны, один из учредителей «Союза спасения» и «Союза благоденствия», впоследствии осуждённый на двадцать лет каторги, он был человеком с глубоким пониманием политических проблем. Отчаянный вояка обладал гвардейской лихостью, тягой к рискам, доходившим до бретерства.

В мае 1814 года между ним и Алексеем Орловым случилась дуэль, причем без всякого повода. Однажды в разговоре кто-то пошутил, что Алексей ещё ни разу не был участником дуэли, тогда Лунин предложил ему драться. Отказаться было нельзя. Выстрелив в первый раз, Алексей промахнулся. Лунин дважды стрелял в воздух и давал противнику издевательские советы куда лучше целиться. Орлов снова промазал. В результате секунданты развели противников.

В конце десятих годов зарождается романтический стереотип дуэли «из-за дам». Публика с особым интересом следила за дуэлями, замешанными на любовных делах. Эти истории имели особую популярность и вызвали особенно широкие толки. Дуэльные истории такого рода отличались жестокостью, и бескровный исход поединка, как правило, не решал проблемы.

После 1825 года дуэль постепенно превращается в допотопный пережиток, который, по сути, ничего не решает, а затем вовсе уходит в прошлое.

Отечественная война 1812 года принесла москвичам огромные убытки и потери. Многие некогда всесильные дворянские роды совсем разорились. Московские балы и вечера стали скромнее, в отличие от роскоши аристократического Петербурга.

К 1830–40-м гг. доминирующим становится средний слой дворянства. Их дома становятся местом встреч людей, размышляющих о судьбах страны с литературно-философскими беседами и дискуссиями. В этот период интерес к общественной жизни, к культурным и политическим проблемам возникает особенно остро. Появляются различные общества, кружки, организации – научные, просветительные, литературные, политические, философские, тайные и явные.

Многие будущие члены тайных обществ обучались в Московском университете и университетском Благородном пансионе, где складывалось их мироощущение, свободомыслие и любовь к Отечеству. К выходцам из дворянских помещичьих семей относилось большинство западников и славянофилов, споры которых разгорелись особенно остро к 1840-м годам. Представители славянофилов сами предпочитали называть свое направление «русским» или «московским». Эти два направления общественной мысли выявились в ходе споров о дальнейшем пути России. Отрицая революционный путь Запада, славянофилы отстаивали российскую самобытность, были противниками крепостничества, им были дороги народность и православие, они верили в высокую духовность русского народа в противовес западному рационализму, а также были склонны к идеализации допетровской Руси. К славянофилам принадлежали высокообразованные русские дворяне: А. С. Хомяков, братья И. В. и П. В. Киреевские, К. С. и И. С. Аксаковы, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев и другие.

Западники же считали, что Россия должна идти по пути других западных стран. Они высоко ценили западную цивилизацию, были противниками крепостничества, выступали за свободу личности, слова и печати, а также против самодержавия, отдавая предпочтение конституционным порядкам западных стран. Западниками были молодые профессора Московского университета, писатели, журналисты, большинство из которых происходили из дворянских семей: Т. Н. Грановский, П. Н. Кудрявцев, П. Г. Редкин, Д. Л. Крюков, К. Д. Кавелин, И. С. Тургенев, В. П. Боткин, П. В. Анненков и другие. И пока научные и политические споры заполнили, восстановленные после пожара, дворянские гостиные, второе городское сословие, засучив рукава, сумело занять лидирующие позиции в городской жизни XIX столетия.

Магикане Замоскворечья

Москва издавна была торговой столицей. Города возникали как ремесленные поселения на очень выгодных, прежде всего для торговли, местах. Первопрестольная столица издавна находилась на пересечении сухопутных и водных торговых путей, связывающих ее со всеми российскими городами. С давних времен, отсюда вся Россия снабжалась товарами московского, внутрироссийского и зарубежного производства.

«В Москве нет только птичьего молока», – говорили в народе. Безусловно, ключевые позиции на внутреннем рынке принадлежали московскому купечеству. Это одно из самых колоритных городских сословий. В последние годы о нем написано немало. Однако, многочисленные опросы, тесты, викторины, которые проходят в рамках выставочных проектов или школьных викторин приносят малорадостную картину. В основном, о купечестве судят по литературным произведениям из «школьной программы». Кто из нас не оплакивал горькую судьбу Катерины из пьесы А. Н. Островского «Гроза», которая оказалась единственным «лучом света» в темном купеческом царстве?

Попробуем рассказать о сословии, которое, во все времена, у городских обывателей вызывало массу противоречивых эмоций.

Горожане над ними посмеивались, презирали, награждали обидными кличками – «кровосос», «мироед», «толстосум». С одной стороны, жили купцы замкнуто, многие погулять любили, чужаков чужили. С другой, широкая купеческая душа, искала спасения в мощной благотворительной деятельности. Городские больницы, приюты, богадельни, церкви, дома дешевых и бесплатных квартир, училища и детские сады, театры, музеи были построены на денежные средства тех самых «торгашей». Дары Третьяковых, Бахрушиных, Рябушинских, Морозовых, Щукиных, Руковишниковых, Фирсановых, Алексеевых, Хлудовых, Сорокоумовских стали основой многих музейных собраний. В конце XX столетия в Москву вернулся колокольный звон, который «льется» (как говорили когда-то в Первопрестольной) с колоколен чудом сохранившихся храмов – в память о «толстосумах темного царства», которые не жалели капиталов на постройку церквей.

Еще в начале XIX века, удивительный мемуарист Петр Федорович Вистенгоф, давая характеристику столичному купечеству, насчитал в Москве «три рода купцов...: один носит бороду, другой ее бреет, а третий только подстригает. Высшая степень образования в купце подразумевается тогда, когда он бреет бороду; низшая, – когда он ее носит, да еще занимается ею и гордится, оказывая явное негодование обритым; подстригающие составляют переход от последних к первым. Само собою разумеется, что часто борода бывает так умна и знает так хорошо коммерческие обороты, что проведет десять обритых подбородков».

Но прежде чем познакомить, любезного читателя, с колоритами и особенностями москвичей «торгового сословия», хочется сказать еще несколько слов о его возникновении. С чего все начиналось? Истоки надо искать, приблизительно, в XIV столетии. Деление свободных горожан на сословия еще только зарождалось и московские торговые люди, связанные с международной торговлей, разделились на две группы. Тех кто торговал преимущественно с Золотой Ордой, Крымом стали называть сурожанами. Название происходило от города Сурож, так в средние века называли город Судак в Крыму. Купцов, имевших дела с Литвой, Новгородом, Смоленском называли суконниками, поскольку основным привозимым товаром было сукно из Фландрии. Постепенно сурожане превратились в особую купеческую прослойку, которая в официальных источниках стала называться «гостями». Это было логично – они были людьми приезжими. Довольно быстро московские гости освоились, образовав привилегированное сословие. Сурожане и суконники были людьми состоятельными, селились в самом Кремле, отстраивали там шикарные хоромы. К XVI веку население московского посада стало

создавать, говоря современным языком, торговые корпорации. Так появились Гостиная и Суконная сотни. Представители этих первых купеческих объединений получали «жалованные грамоты» от царей, пользовались особым уважением и привилегиями. На вершине «торгового Олимпа» стояли гости и Гостиная сотня. Гости имели полное право на покупку земли, были освобождены от торговых пошлин, податей, служб, обладали монополией на внешнюю торговлю. Но их было очень мало. Даже к концу XVII столетия не набралось и 30 фамилий. Гостиная сотня объединяла самых состоятельных купцов, занимавшихся торговлей внутри государства. Льготы у них были те же, что и у гостей, однако, покупка земли была запрещена. Ниже на «торговой лестнице» стояли владельцы лавок, торговавшие как в розницу, так и оптом. Многие очень неплохо зарабатывали, правда, льгот никаких не имели. Лавку можно было сдать в аренду, за четыре-пять рублей в год, однако, арендаторы зарабатывали на половину меньше владельцев. На самом «дне» городского торгового мира находились посадские тяглецы, торговавшие вразнос квасом, пирогами, орехами, птицей, мелким галантерейным товаром и пр.

Толкучий рынок у Китайгородской стены. Открытое письмо. Издание В.Ф. Корнац

«Эх, полным – полна корбушка,
Есть в ней ситец и парча,
Пожалей, душа-заснобушка,
молодецкого плеча...», —

поется в народной песне.

Действительно, стоило пожалеть, поскольку таскать корба с товаром на собственных плечах, с раннего утра до вечера требовало немало сил. Разносчики были одной из визитных карточек Москвы, их голосами был полон город. В этом бизнесе было немало женщин, которые чаще торговали пирожками собственного производства, лечебными травами, платками, букетиками цветов. В 1920-х годах можно было встретить на улицах молоденьких девушек, торгующих папиросами («папиросниц»), а в 1950-х в парках и на городских пляжах вразнос торговали мороженым.

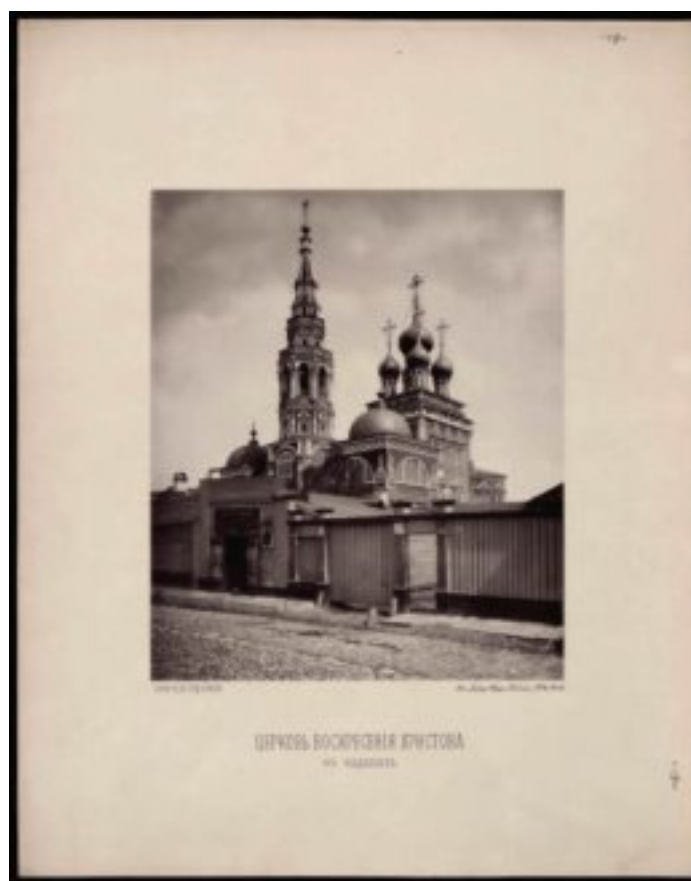
Стремительно ворвавшийся в российскую историю, будущий император Петр 1 сначала «обрил» бородатое городское купечество, а потом уничтожил деление на гостей, членов Гостиной и Суконной сотен. Вместо сословия посадских людей были образованы сословия купцов и мещан, окончательно юридически оформленные во времена матушки – Екатерины II.

Кстати, «мещанин» буквально означало горожанин – от слова «место», т. е. «город». До сих пор мы употребляем слово «предместье», которое обозначает поселение за чертой города. Обыватель, приписанный к мещанскому сословию – ремесленник, мелкий торговец или домовладелец, обладающий капиталом менее 500 рублей. Звание мещанина передавалось по наследству. В XX столетии, после переворота 1917 года, словом «мещанин» стали называть человека с ограниченным кругозором. Реформа 1720-х годов разделило купечество Москвы на гильдии, в зависимости от размера капитала. Существенной особенностью этого сословия было то, что, в отличие от дворянского и мещанского, оно не являлось наследственным. Заплатив гильдейский сбор, всего 1 % от заявленного капитала, вы автоматически приписывались к купечеству. От суммы объявленного вами капитала зависело, в какую из трех гильдий вы попадете. Для того чтобы стать купцом 1-й гильдии, нужно было обладать капиталом в более чем 10 тысяч рублей, 2-й от 5 до 10 тысяч рублей, 3-ей более 1 тысячи. Всего и делов-то! Однако суммы для XVIII века астрономические. И если через год, по какой либо причине, вы не смогли заплатить гильдейский сбор с объявленного ранее капитала, то выбывали из купеческого звания и переводились в мещанское. Например, основатель знаменитой на весь мир купеческой династии Рябушинских, Михаил Яковлевич записался в 3-ю гильдию в 1802 году. В 1812 году грянула Отечественная война, принесшая огромные разрушения и потери. Михаил Яковлевич лишился всего товара и долго не мог поправить дела. Пришлось писать прошение «... покорнейше прошу по неимению мною купеческого капитала перечислить в здешнее мещанство...». Прошло более 10 лет, дела его пошли «в гору», и в 1824 году он вернулся в прежнее сословие. Купцы первых двух гильдий освобождались от рекрутской повинности и телесных наказаний. В 1832 году были утверждены звания личных и потомственных почетных граждан, которые не даровались дворянскому сословию. Получить такое звание было очень престижно. К тому же с почетным гражданством приобретались льготы и привилегии, сходные с дворянскими. А купечество всегда и во всем соревновалось с привилегированным городским сословием.

Иногда представителям купечества, за особые заслуги, даровалось дворянство. Так было с Николаем Ивановичем Прохоровым, владельцем легендарной «Трехгорки» – Прохоровской Трехгорной мануфактуры и Елисеевыми – хозяевами популярного магазина на Тверской улице. «По русским законам владельцы фирм, просуществовавших сто лет, автоматически получали дворянство. Обычно было принято отказываться от подобного перехода из сословия в сословие. Представители этой фамилии не соблюдали традиционного правила и не отказались от дворянского звания. Немедленно все двери лучших купеческих домов...наглухо и навсегда захлопнулись перед ними...» – вспоминал Юрий Алексеевич Бахрушин, потомок славного купеческого рода.

И хотя он не назвал фамилии, понятно, что подобное «предательство» московское купечество не прощало никому. Какой знаток истории Москвы не знает имя Николая Александровича Найденова? Представитель старейшего купеческого рода, гласный Московской Городской Думы, организовал в 1880-х годах фотофиксацию всех городских церквей и монастырей, улиц и казенных заведений. «Найденовские листы» – так называют москвоведы и знатоки истории города, фототипии, сохранившие для нас облик дореволюционной Москвы. В среде столичного купечества он снискал особое уважение тем, что с гордостью отказался от дворянского звания, сказав, что родился и умрет купцом. Но отказаться о монаршем «пожаловании дворянского достоинства» отважились не многие. К началу XX столетия «сословие» и вовсе исчезает. Из старомосковских купеческих родов еще в XIX в. «выжили» только те, кто упорно вкладывал средства в промышленность. В 1898 году было принято «Положение о государственном

промысловом налоге», которое давало возможность заняться предпринимательской деятельностью всем желающим. Для этого было достаточно получить «бумажку» – промысловое свидетельство. Стало не за чем платить ежегодные гильдейские взносы, что привело, в итоге, к полному разложению сословного института. Практически сословие было обречено. К этому времени печалиться было особо не о чем, «сословные преимущества» носили лишь декоративный характер – давали право носить шпагу и особый мундир, наносить визиты ко двору, получать награды. «В купцы записывались на основании соображений, совершенно чуждых торговой деятельности. Например, евреи записывались в купцы первой гильдии потому, что таким путем они получали право повсеместного жительства, в независимости от так называемой черты оседлости. В столицах записывались для участия в управлении и руководстве крупными благотворительными и просветительными учреждениями, созданными купеческими обществами за счет тех огромных капиталов, которые поступали зачастую этим обществам по завещаниям их бывших сочленов...» – вспоминал Павел Бурышкин. Только старозаветное купечество, по традиции, сохраняло связь с гильдией. Все чаще владельцами фабрик, «заводов, газет, пароходов» становились предприниматели, записанные ранее в мещане, крестьяне. Участие представителей крестьянского сословия в торговой деятельности началось задолго до реформы 1861 года, они активно уходили на заработки в города, «на отхожий промысел». Барину теперь оброк денежками подавай, а не яичками и курочками! Многие, будучи крепостными, добивались значительных успехов. Здесь очень показательна история, случившаяся с знаменитым, в Москве 1860-х годов, торговцем антиквариатом Гаврилой Григорьевичем Волковым. Еще в дореформенной Москве, начиная коммерческую деятельность, он составил о себе очень хорошее мнение, особенно среди купцов. А это было нелегко! И вот приспичило ему, жениться! Как полагается, «заслал сватов» к купеческой дочке Екатерине Лукьяновне Бажановой. Была ли этому рада невеста – неизвестно. Родители ее были довольны. Еще бы! Состояние у Волкова было приличное, репутация безупречная. Чего еще нужно? Однако, жених оказался крепостным помещика Голохвастова, который не собирался отпускать его ни за какие деньги. Родители были в шоке. Если бы Екатерина вышла за него замуж, то тоже стала бы крепостной. Свадьба расстраивалась. Помог Волкову, его постоянный покупатель, князь Николай Борисович Юсупов. Зная страсть Голохвастова к картам, князь «усадил» его за игру, поставив на кон «вольную» Волкова. Юсупов выиграл, свадьба состоялась.

Церковь Воскресения Христова в Кадашах. Фототипия «Шерер, Набгольц и К°». 1882 г.

Мы на страницах нашей книги, часто будем говорить о событиях, повлиявших на судьбы страны, города и его жителей. Здесь уместно небольшое «лирическое отступление», которое напомним, любезному читателю, почему горожане стали делить историю на «дореформенную» и «пореформенную». Что же все-таки произошло 19 февраля 1861 года? На этот вопрос современный московский школьник отвечает, иногда так: «...Хозяева открыли ворота, и выпустили крестьян за ворота...». Итак, в этот день, Император Александр II подписал знаменитый Манифест об отмене крепостного права. Содержание реформы было изложено в «Положении о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». В Петербурге и Москве решение было обнародовано 5 марта 1861 года, в Прощеное воскресенье. Утром на всех городских столбах появились листы, вокруг которых стал толпиться народ, вышедший на масленичные гуляния. Это было объявление Московского генерал-губернатора, в котором говорилось, что сегодня во всех московских церквах будет прочитан особый царский Манифест. На всякий случай, чтобы избежать нежелательных событий и возмущений главного российского сословия, в конце объявления было помещено извлечение из «Положения о дворовых людях...», в котором говорилось о том, что в течении двух лет дворовые еще будут находиться в повиновении своих хозяев. Сохранились интересные наблюдения писателя, публициста Николая Александровича Деметра, жившего тогда в Москве, опубликованные в 1869 году в журнале «Отечественные записки». Он писал о том, что конечно в обществе давно ожидали этого события, относились к нему по-разному. Московские дворяне жили страхом, «ожидая чего-то вроде страшного суда или светопреставления». Накануне оглашения документа многие просто не спали несколько ночей. Одна барыня отправила в участок под арест всех своих крепостных извозчиков, почти 30 человек. Она очень боялась, что, услышав о воле, они могут «учинить ей неприятности».

Прощеный день прошел празднично и спокойно, отчасти потому, из документа толком никто ничего не понял. Текст был составлен Московским Митрополитом Филаретом, и ока-

зался сложным для городского обывателя. «Мужики не слово не поймут, а мы не слову не поверим...», – так отозвался о документе граф Лев Николаевич Толстой.

Все запомнили только одно, что до окончательного освобождения дворовых и вступления в действие уставных грамот было еще два года. Поэтому московский люд после чтения этого исторического документа продолжил праздновать Масленицу, а заодно, и будущее освобождение. В трактирах московские купцы, помещики и чиновники поздравляли друг друга с «великим гражданским воскресеньем». Наутро жизнь пошла своим чередом. Прочем, пожалуй, никто из москвичей и не представлял себе, какие перемены настанут в их привычной и соразмеренной жизни. Известно, что реформы не делаются за один день или год, это процесс длительный. Освобождение крепостных растянулось почти на двадцать лет. Событие это является сегодня одним из самых дискуссионных в отечественной истории. И, чтобы там не говорили, одно является бесспорным: 19 февраля и 5 марта 1861 года – великие даты в истории России. Императора Александра II, назвавшего 5 марта лучшим днем своей жизни, отныне будут величать «Царем-освободителем». А как же иначе, ведь одним «росчерком пера» было освобождено почти 23 миллиона человек!

Церковь Живоначальной Троицы в Вишняках на Пятницкой. Фототипия «Шерер, Набгольц и К°». 1882 г.

С середины XIX столетия именно крестьяне станут одним из главных источников формирования элиты российского купечества. Московские купеческие династии Абрикосовых, Хлудовых, Гучковых, Солдатенковых, Алексеевых и др. были выходцами из крестьянского сословия. Не скрывали, а гордились этим! Известный в Москве купец В. А. Кокорев, на глазах у всех, «обмывая» удачные сделки, «по-городскому» – шампанским, демонстративно подмешивал себе в бокал квас – самый крестьянский напиток. Не брезговали торгово-промышленной

деятельностью и дворяне. За родословную теперь не кормили. Некому! Они в основном вкладывали капиталы в те отрасли, которые не требовали личного участия – были акционерами, пайщиками; занимаясь торговлей, предпочитали держать магазины по продаже книг, антиквариата, были владельцами гостиниц, ресторанов. Мы уже говорили, что после трагедии 1812 года российское дворянство уже не смогло «подняться» до былых высот, многие потеряли практически все. Городские дома сгорели, подмосковные родовые гнезда – «кормильцы» разграблены. Деловое сословие, которое тоже изрядно было потрепано войной, напротив, «засучило рукава». Оставшиеся средства купцы стали вкладывать не только в торговлю, но и в промышленность. Тем и спаслись! С середины XIX века торгово-промышленное значение города, ставшего еще и крупнейшим железнодорожным центром страны, с каждым годом возрастало.

К 1840-м годам картина городской жизни заметно меняется. Разбогатевшее купечество потихоньку переселяется в барские особняки, строит свои дома в центре города, открывает шикарные магазины, посылает своих детей учиться за границу, а в столичных театрах имеет «именные» ложи.

Начиная с середины XIX столетия, о Москве заговорили как о «городе купеческого сословия».

И, несмотря на то, что «пожар способствовал ей много к украшению», во многих районах города картина была малорадостной. Узкие улицы, громадные барские дворцы и маленькие деревянные домишки, старинные церкви, и похожий на восточный базар торг со «средневековыми» торговыми рядами.

«...В царствование Николая I Москву украшают несколько грандиозных церквей и казенных зданий: Храм Христа Спасителя, Кремлевский дворец, провиантские магазины на Остоженке... но европеизируется только центр города; остальные улицы все также тесны, грязны до непроходимости, темны ночью. Единообразие обывательских домов нарушают барские дворцы Александровских и Екатерининских времен, частью заколоченные и разрушающиеся, частью перешедшие к купцам и под казенные учреждения. Во многих местах тянулись заборы, поросшие травой пустыри, унылые громадные площади... Чахлые и запущенные бульвары служили приютом для жуликов и разных темных личностей... О мраке, царившем по ночам на московских улицах и грязи, делавшей их непроходимыми весной и осенью, единогласно вспоминают все современники...».

Не пройдет и 40 лет, как тихая, патриархальная «большая деревня» превратится в наимоднейший, шикарный европейский град. Нам с вами очень знакомо это явление! Прошло сто лет и новый, невероятно сильный ветер перемен конца XX – начала XXI веков снова меняет столицу до неузнаваемости. Только темпы еще более «космические». Но вернемся к середине XIX века.

«...Москва усадебная, живущая за счет пензенских и тамбовских душ, быстро преобразуется в Москву капиталистическую. На сцену выступает новый могущественный класс, успевший в тиши патриархальных лабазов накопить огромную экономическую силу. Гегемония из рук дворянства переходит к торгово-промышленному сословию...бывшее темное царство формируется в городскую промышленную буржуазию в европейском значении этого слова. Социальной гегемонией нового класса обуславливаются отныне формы развития Москвы со всеми их положительными и отрицательными сторонами», – так напишет автор путеводителя по Москве, рассказывая о рубеже XIX – XX вв.

Ярчайший представитель торгового сословия, автор культового произведения «Москва купеческая» Павел Афанасьевич Бурышкин, рисуя картину жизни столичного города конца XIX, цитирует статью в газете «Новое время»: «...Купец идет. На купца спрос теперь. Купец в моде. От него ждут» настоящего слова». И он везде не заставляет себя ждать. Он произносит речи, проектирует мероприятия, издает книги, фабрикует высшие сорта политики, устраивает митинги и проч. В Москве один знаменатель – купец, все на свою линию загибающий. Купец

тут снизу, сверху, со всех сторон. Он и круг, и центр московской жизни. Вы можете его получить под всеми флагами и соусами. ... купец есть органическая часть Москвы, – ее рот, ее нос, ее начинающиеся прорезываться зубы. В Москве вы ни шагу не сделаете без купца. Он и миткалем торгует, и о категорическом императиве хлопочет, и кузьмичевскую траву исповедует, и лучшие в мире клиники устраивает. Все, что есть в Москве выдающегося, – в руках купца, или под его ногами. У него лучшие дома, лучшие выезды, лучшие картины, любовницы и библиотеки. Загляните, в какое угодно учреждение, – в ы непременно встретите там купца, очень часто в мундире, с» английской складкой«, с французской речью, но все же купца, со всеми его» Ордынско-Якиманскими «свойствами, которые не выветриваются ни от каких течений, ни от какой цивилизации...».

Конечно, многие традиции и бытовые детали растворились во времени вместе с представителями этого самого «московского» сословия, тем не менее, попытаемся «оживить» старую купеческую столицу, хотя бы на страницах нашей книги. Настоящий купеческий дом нужно искать за Москвой-рекой, даже в начале XX столетия этот район во многом оставался заповедным «миром».

Традиционными местами расселения московского торгового сословия были и Таганка, и Рогожская слобода. Но душой «темного царства» было Замоскворечье. Название говорит о том, что местность находится за Москвой-рекой. Некоторые москвичи, большие любители додумывать значение городских названий, считали, что именно здесь обитают необыкновенно певучие скворцы. О Замоскворечье сегодня стоит сказать еще и потому, что здесь удивительным образом сохранились островки прежней рядовой городской застройки XVII – н. XX вв... Пятницкая улица и Большая Ордынка, с прилегающими районами, образовали заповедную зону Москвы. Конечно, не обошлось без утрат. Ведь с 1960-х годов здесь идет строительство, особенно интенсивное в последние годы. Но, несмотря на все перестройки, этот район остается удивительно цельным для восприятия. Главной, невосполнимой потерей Замоскворечья, являются его коренные жители. Это они, на протяжении всего XX столетия, пытались сохранить уникальный облик района, ухаживая за остатками некогда обширных купеческих садов.

Замоскворечье входило в черту Земляного города – самую большую часть Москвы, заселялось преимущественно стрельцами и иностранные путешественники называли эту часть города Стрелецкой слободой. «Четвертая часть города называется стрелецкая слобода, она лежит в южной части, за Москвой рекой, в сторону к татарской земле, окружена заборами наподобие частокола или изгороди из кольев... часть эта построена отцом тирана, Василием / Авт.: речь идет об Иване IV Грозном/ для иноземных воинов: поляков, литовцев и немцев...», – пишет путешественник Адам Олеарий. К XVII столетию Замоскворечье представляло собрание ремесленных слобод.

По сохранившимся названиям улиц и переулков можно узнать представители, каких профессий жили в этой части города. Кожевники, монетчики, толмачи/переводчики/, садовники, кадаши/или бондари, изготовлявшие «кади»-кадушки, бочки/ оставили о себе память в сохранившихся названиях живописного переплетения улиц и переулков. Довольно значительную часть жителей здесь составляли торговцы, которые все больше стали переселяться за реку. В центре города предпочитали торговать, например, в Китай-городе, а жить здесь. От самой Москвы-реки расходятся главные улицы Замоскворечья – Пятницкая, Большая Ордынка, Новокузнецкая, Большая Якиманка, Большая Полянка. Сегодня, чтобы попасть в заповедную купеческую часть столицы, достаточно проехать на метро до станции «Новокузнецкая». У метро протекает самая бойкая и деловая улица Пятницкая, получившая имя от стоявшей здесь Церкви Параскевы Пятницы, покровительницы торговли, упоминающейся еще в источниках XVI века. К сожалению, храм погиб во время строительства метро. Среди сохранившихся на улице строений преобладают жилые, преимущественно купеческие, дома.

Что же представляла собой типичная купеческая городская усадьба к середине XIX столетия?

1-ый вид Замоскворечья с Вшивой горки. Фототипия «Шерер, Набгольц и К°». 1884 г.

Прежде всего, это довольно обширное земельное владение, со всех сторон окруженное глухим забором с прибитыми по верху гвоздями или с натянутой колючей проволокой. Купцы по богаче старались ставить каменную ограду, в которую встраивали торговые лавки, и владение превращалось в настоящий «гостиный двор». Торговые лавки, своими «окнами-прилавками», выходили, непременно на улицу. Особенно хорош был обширный хозяйственный двор, посреди которого стоял деревянный дом на каменном фундаменте. Справа и слева от дома тянулись различные хозяйственные постройки – конюшни, амбары, сараи, погреба. Здесь хранили товары и домашние заготовки на целый год. Все лето купчихи солили, сушили, валяли, варили – все свое, из собственного огорода. Москвичи долго «держали» огороды, видимо не надеялись на достаток и изобилие товаров, подтверждая средневековую поговорку, что Москва – «большая деревня». Тем более, что горожане всегда были людьми практическими и зря денег не тратили. Если уж купец покупал продукты оптом, то в больших количествах. Нужно было прокормить не только свою семью, но и многочисленных приказчиков, прислугу и приживалок. Впрочем, уже к 1880-м годам огороды постепенно сходят на «нет», а вот сады разрастаются. Как правило, сад расположен за домом, с обязательными яблонями «белый налив», кустами крыжовника, смородины. Московские купчихи очень любили разводить цветы. Жили замкнуто, а при однообразном и скучноватом времяпрепровождении сад был настоящей «отрадой сердца» и отдушиной среди бесконечных домашних хлопот. Они проводили в доме и саду большую часть своей жизни, редко выходя за ворота, на улицу. Общение с соседями проходило, в основном, во время посещения церкви. Для большинства замоскворецких или таганских

купчих именно цветы были единственной радостью и украшением жизни. Очень любили разводить пионы, анютины глазки, бархатцы, чуть позже появятся и «заморские» растения. Дом состоял, как правило, из двух этажей. На первом – располагалась столовая, комнаты взрослых сыновей, специальные комнаты для приказчиков и прислуги, кухня. Здесь же располагалась и контора или магазин. На втором этаже гостиная, назовем ее по-старинному «зала», кабинет «самого», спальня хозяев и комната взрослых дочерей. Часто первый этаж дома был каменный, а второй строили из дерева, причем преимущественно из хвойных, смолистых пород, чтобы «дышалось лучше». Наверху поэтому часто устраивали детские комнаты. Если здание позволяло, оставляли пустыми несколько комнат для гостей. Внутреннее убранство не блистало ни красотой, ни богатством, но зато отличалось крепостью и добротностью. Мебель в гостиной была тяжелой, часто из красного дерева, затянутая в белые чехлы. Пол был досочный, окрашенный, чаще всего, темно-коричневой краской. Для красоты и уюта обычно по полу раскладывались холщевые, домотканые дорожки. Конечно, разбогатев, хозяин начинает активно скупать персидские ковры и китайские вазы, украшать ими свое жилище. Но вначале все выглядело именно так. Окна изнутри завешивались тяжелыми портьерами, темных тонов, а снаружи закрывались глухими ставнями. На широких подоконниках стояли обязательные горшки с цветами. Очень любили в Москве герань, среди домашних растений она занимала первое место, насчитывалось более пятидесяти сортов. Самая популярная была герань ярких, красноватых оттенков. В первой половине XIX века в купеческий дом «пришел» фикус и надолго обосновался в нем, став своеобразным символом домашнего уюта. Встречались и пальмы в кадучках. В простенках между окнами висели портреты хозяев или раскрашенные литографии, как правило, на религиозные темы. В кабинете хозяина стоял диван, обитый кожей темно-вишневого или черного цвета, массивный письменный стол и обязательный нестораемый шкаф, который считался своеобразным знаком успешной коммерческой деятельности. Спальня хозяев делилась занавесом на две половины: в первой, в переднем углу, висел киот с множеством икон, стоял стол, несколько стульев, комод; во второй – широкая кровать с горой подушек и массивный гардероб. По всему дому вальяжно путешествовали коты и кошки, висели клетки с канарейками. Но это описание, конечно, «собирательное». В то время, интерьер был очень индивидуален: мебель вся делалась на заказ, какие-то вещи передавались по наследству. О красоте и стиле вообще не думали, считали пустой тратой времени и денег, руководствовались больше практическими соображениями. Каждый хозяин вносил свою лепту в устройство собственного дома. Поэтому, лучше «предоставить слово» хозяевам, которые «раскрасят» живыми красками картину купеческого быта XIX столетия. Здесь нам очень помогут воспоминания и мемуары. Иногда в этих записках поражают детали быта: описания до мельчайших подробностей содержимого бабушкиных сундуков, домашних традиций, праздников. Впрочем, наиболее интересно «расскажет» о своем доме Николай Петрович Вишняков – представитель славной купеческой династии, коренной житель Малой Якиманки. Его воспоминания как раз относятся к 1850—1860-м годам. В этой среде еще свято чтит традиции предков и не собирались что-то менять. Жили в старых, дедовских домах, которые по мере роста семейства перестраивали, достраивали, иногда приобретали участки земли рядом с родовым гнездом.

«Итак, отцовский дом состоял собственно из соединения двух каменных зданий: переднего, главного, двухэтажного с мезонином, выходившего на Малую Якиманку, и заднего трехэтажного, стоявшего во дворе. Главный дом вместе со всеми со своими четырьмя сыновьями и Семен Петрович, еще холостой; в нижнем этаже помещалась контора нашей фирмы и кухня; бельэтаж второго дома служил местопребыванием Ивану Петровичу с его женой, Александрой Николаевной, и двумя детьми... Хозяйство было общее, но семейство Ивана Петровича в будни кушало отдельно на своей половине и только по праздникам приходило обедать с нами наверх... Бельэтаж главного дома выходил на улицу тремя большими, высокими и светлыми комнатами – залой и двумя гостиными. По обычаю того времени, они предназначались исклю-

чительно» для парада», то есть для приема гостей. В будничные дни эти покои, лучшие во всем доме, веселые и приветливые, особенно когда их озаряло солнце, казались никому не нужными и представляли из себя пустыню. Редко кто заглядывал в них; не было даже принято, чтобы мне, ребенку, там побегать и порезвиться. За гостиными следовала довольно обширная столовая и небольшой отцовский кабинет... Настоящие жилые комнаты, отличавшиеся сравнительно скромными размерами, низкими потолками и небольшими окнами во двор, занимали именно третий этаж второго дома. Тотчас за лесенкой налево была спальня моей матери, бывшая ее супружеская, та самая, в которую меня водили ночью прощаться с умиравшим отцом... Парадные комнаты украшались стеклянными шкапами с полками, на которых расставлено было немало вещей, ценных по воспоминаниям, – те иногда дорогих безделушек, которые имели историческое отношение к жизни их владельцев. Среди золоченых чашек, расписных табакерок, тех маленьких флакончиков, которые когда-то на цепочках носились дамами на мизинце левой руки, вееров слоновой кости, бронзовых курилен разных форм, хрустальных. Узких. С густой позолотой кубков для цветов и букетов и других предметов были подарки и подношения родных и близких. Давно отошедших в вечность».

Итак, за высоким глухим забором, большинство московских купеческих домов жили «общим хозяйством», то есть взрослые сыновья с женами и детьми. Во дворе находилась золотопрядильная фабрика Вишняковых, на которой работало 20–30 человек. Для старозаветного купечества «фабрика» – это тоже семья. Дети хозяев проводили с фабричными ребятами большую часть времени, играли, ходили на рыбалку, купались. На производстве работало несколько поколений одной семьи. Когда рабочий уже не мог выполнять свою работу, хозяин отправлял его на «пенсию» – находил ему более спокойную работу по дому. Домашнюю прислугу комплектовали тоже из «фабричных». Штат ее состоял из ключницы, двух горничных, лакея, повара, кухарки, прачки. До 1861 года все они были крепостными, «отпущенными по оброку», то есть были обязаны платить ежегодную дань помещику за право жить на стороне. К таким «невольникам» относились с добротой, жалели. У каждого были свои обязанности по дому. Кухарка покупала продукты и стряпала и для хозяев, и для прислуги, спала прямо на кухне или в маленьком чуланчике рядом. Если могли позволить себе и повара, то он готовил еду исключительно для «кормильцев». Газовых плит еще не было, они появились в конце XIX века, и это было «дорогое удовольствие». «Все стряпали в печке с утра. Отчасти поэтому и обедали днем, в час. До ночи печь оставалась теплой, теплым был и ужин. Если что нужно было быстро разогреть или сжарить – перед печкой на шестке разводили костер из сухих лучинок под таганком. А в печи замечательно пеклись и пироги, и блины – без перевертки. Потом пошли плиты около печей, а перед печами, под шестком, – маленькие плиты. Наконец печи стали уничтожать, оставляя одни большие плиты», – вспоминал сын московского купца Николай Михайлович Щапов. Горничная убирала комнаты, чистила платья и обувь, накрывала на стол, подавала самовар. Белье стирали редко раз в две недели или даже в месяц. Помимо прачки в дни «большой стирки» этим занималась вся женская часть прислуги. «Прачечная» располагалась во дворе: на специально устроенную плиту ставили большой бак или особо изготовленный жестяной чан, и кипятили белье. Полоскали в реке, поэтому приходилось запрягать лошадь и везти большие корзины с мокрым бельем на берег. Исключение составляли семьи, в которых были маленькие дети, тогда прачка «не вылезала» из «ушат» и корыта. «Пустяками у нас прислуге не надоедали, но по звонку она всегда являлась из своей комнаты. Выходного дня не было ни у кого. Изредка, может быть раз в неделю, прислуга» отпрашивалась со двора «часа на три вечером в гости или в город за покупками...», – пишет Щапов. Тяжело приходилось, при такой замкнутой жизни, женщинам из прислуги. Завести свою собственную семью было трудно, поэтому на старости лет приходилось идти в няньки к дальней родне. Иногда хозяева пристраивали старушек в богадельню. Мужчины, прожив в городе большую часть жизни, пол-

ностью отрывались от своих деревенских изб и жен. Деваться было некуда, возвращались старыми, больными и совсем чужими.

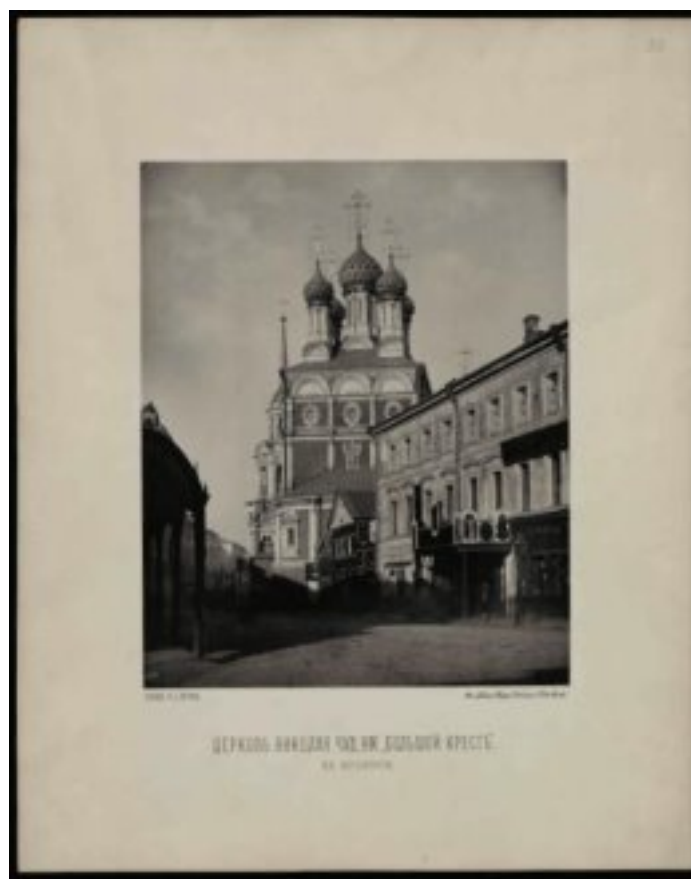
Вид Китай-города из Замоскворечья. Фототипия «Шерер, Набгольц и К°». 1887 г.

Когда у купца появлялась возможность расширить производство, то фабрика съезжала со двора. Оставались сараи, конюшня, баня, которая представляла собой, как правило, ветхий, очень запущенный домик. Своими банями купцы не любили пользоваться, предпочитали общественные. Это был целый ритуал! Собирались в баню, как правило, по субботам и в преддверие больших праздников. Ходили всей семьей, а семьи тогда были большие. Это походило на торжественное шествие с узлами, тазами, вениками. В такие «банные» дни на тихих и пустынных улицах Замоскворечья, Рогожской слободы было непривычно многолюдно. Люди шли в баню, приезжали на возах, доверху нагруженных домочадцами и узлами с чистым бельем. Современники вспоминают, что возле бань, на лотках, продавали любопытные четырехугольные конфеты в раскрашенных бумажках. В состав конфет входило больше муки, чем сахара и называли их «банными». Кстати разноцветные и блестящие бумажки, в которые заворачивали конфеты, собирались и приклеивались прислугой на крышки сундучков с одеждой. Маленьких детей купали дома, в кухне на русской печке. В купеческих семьях детишки болели часто, велика была детская смертность. Медицина была не на высоком уровне, да и купцы не доверяли докторам. Все лечились народными средствами: отварами, настойками, медами и заговорами. «Жар» прогоняли холодом, например, прыгали в прорубь, или привязывали к подошвам по селедке. Многим помогало. От болей в желудке принимали касторовое масло, причем детям приходилось «впихивать» его с вареньем. Обязателен был и рыбий жир, который запивали настойками мяты. Комнаты проветривали нечасто, боялись простуды. Форточки открывали в исключительных случаях, например, когда коптит печка или сильно дымит само-

вар. Если нужно было освежить воздух в комнатах прибегали к особому способу. Проносили по комнатам раскаленный в печи кирпич, который опрыскивался уксусом, мятой или другими «специями». Для уничтожения «дурного» запаха использовали курение «смолки». Это был конусообразный футляр из бересты, наполненный каким-то «месивом» из сосновой смолы. «... Держа конус вершиной книзу, на основание его возлагали горячий уголек и, поддерживая на нем горение раздуванием, медленно ходили по комнатам: смолистый состав плавился. Шипел и, испаряясь, наполнял своим ароматом дом. Такими средствами достигалась дезинфекция». С чем было плоховато, так это с «удобствами», которые, практически у всех москвичей, размещались тогда во дворе. «Отхожие места для взрослых мужчин были холодные, часто в особых пристройках. Содержались они далеко не в образцовом порядке. Мне передавали трагический случай. Что во время торжеств по случаю свадьбы Ивана Петровича сам новобрачный чуть не провалился в отхожем месте вследствие того, что под ним подломилась гнилая половая доска. Первый теплый ватерклозет с промывной водой был устроен уже в доме моей матери около 1860 года. Это новшество удостоилось такого общего внимания, что его показывать водили гостей. Были, разумеется, между ними такие, которые находили это новшество праздной и лишней затеей», – вспоминал Николай Петрович Вишняков. До открытия первой линии городской канализации оставалось более тридцати лет. «Канализация появилась в городе только в 1898 году, в центре.» Отхожие места «могли устраивать и в доме, для чего вырывали специальные выгребные ямы, в которые и накапливались нечистоты. Приходилось вызывать ассенизаторов, которых москвичи шутиливо называли» золотородцами«. Они приезжали на обозе с бочками. Долго потом прохожие на улице затыкали носы, бормоча в шутку, что» БрокерЪ «проехал» (в то время был популярен одеколон «Цветочный» парфюмерной фирмы Генриха Брокера). Часто рядом с домом выстраивался еще и флигель, в котором жили «мальчики», приказчики, или размещалась прислуга. Здесь протекала совсем другая жизнь.

Самыми бесправными были «мальчики». Это были дети 8—10 лет, родители которых не могли их содержать, поэтому отправляли в город. Родственники или знакомые подыскивали им «место», где-нибудь в торговых рядах. Купец соглашался взять на работу ребенка, но с условием, что он работает у него бесплатно, «за харчи». Так и жил мальчуган, 5 или 6 лет, у чужих людей. Выдавали на день по 5—10 копеек, на которые мальчишка мог себе позволить только «хлеб и маленький кусочек жареной колбасы». Чай пили два раза в день, утром и вечером. Обязанностей у мальчиков было множество, целый день «на побегушках»: приносили, подносили, уносили и переносили. Приказчики и мальчики обязаны были «зазывать» покупателей в лавку или магазин. Если «упускали» покупателя, или мало продавали, то получали строгий выговор от хозяина. После закрытия, или «запора», как говорили в XIX веке, магазина или лавки, рабочий день не заканчивался. Вечерами, в хозяйском доме, полно работы. Вот как вспоминал об этом бывший «мальчик», будущий почетный гражданин, купец, путешественник и писатель, Иван Андреевич Слонов: «Из ежедневных походов мы, усталые и голодные поздно ночью возвращались в дом Заборова, находившийся на одной из глухих и отдаленных улиц Замоскворечья, где нас ждали тяжелые работы. Все тринадцать мальчиков помещались в нижнем этаже. В одной большой комнате; в ней было два окна с толстыми железными решетками, выходившими на церковный двор. Спали мы на нарах, на тюфяках, набитых соломой. По строго заведенному порядку мальчики, придя домой, тотчас снимали с себя платье и сапоги и облачались в посконные грязные халаты, подпоясывались веревками, на ноги одевали опорки. В таких арестантских нарядах каждый из нас приступал к своей работе. Она заключалась в следующем: старшие мальчики по очереди ходили с ушатом на бассейн за водой; ее ежедневно требовалось не менее десяти ушат. Младшие мальчики чистили платье и сапоги хозяевам и приказчикам, опраивали и зажигали десятка полтора ламп, чистили и ставили многочисленны самовары, кололи дрова, катали белье, возили снег с мостовой, бегали в булочную, в мясную лавку, в Никольскую аптеку и т. д... Кормили очень плохо; мы ложились спать всегда

голодными. Ужин состоял из кислых пустых шей (мясо из них шло приказчикам) и гречневой каши с черным» фонарным «маслом. От такого стола нельзя было умереть с голоду, но и сытыми мы никогда не были. Я не был на каторге, но уверен, что там не изнуряют так людей голодом и непосильной работой, как изнуряли нас ...». Конечно, деспотов и самодуров купеческого звания было довольно много. Но вот, что удивительно, все равно Слонов вспоминает эту тяжелую жизнь с благодарностью. Через несколько лет «ученья», он уже был приказчиком, потом открыл и «свое дело». В купеческой среде уважительно относились к способным, энергичным мальчишкам. Иной расторопный и смекалистый приказчик удостоивался большего уважения хозяина, чем его собственные сыновья. Елизавета Алексеевна Андреева-Бальмонт вспоминала, что отец и мать учили родных детей, заходя в свой собственный магазин, с почтением здороваться со старшим приказчиком, за руку, обязательно назвав его по имени отчеству. Бывало купец, с удовольствием отдавал замуж свою единственную дочку за такого «шустрого» молодца, чем за какого-нибудь нерадивого «прожигателя» отцовских капиталов. Здесь ценились деловые способности, а не родословная. Практически все служащие работали подолгу. Увольняли их редко, только за пьянство или воровство. Купцы любили прихвастнуть: «От нас уходят только после смерти». Если все-таки работник решал уйти, то это расценивалось для хозяев как «поношение». Конечно, сосредоточие в одном месте семейной и трудовой жизни, безусловно, наложило отпечаток патриархальности и консерватизма на ведение дела и быт старомосковского купечества. Однако, жизнь не стоит на месте, и постепенно занимая лидирующие позиции в городской жизни, московские «толстосумы» пытаются вырваться из старых «родительских кафтанов». Теперь нужно соответствовать своему новому положению в Первопрестольной. И только «ветхозаветное» купечество долго остается верным традициям и родительскому дому.

Церковь Николая Чудотворца, имен. «Большой Крест», на Ильинке. Фототипия «Шерер, Набоглиц и К°». Из альбомов Н.А. Найденова. 1882 г.

Сохранились интересные воспоминания внуки, известного в середине XIX века, купца первой гильдии Михаила Леонтьевича Королева – Е. А. Андреевой – Бальмонт. Елизавета Алексеевна родилась в 1867 году в доме 19 по Брюсову переулку, но часто приезжала погостить к бабушке на Лужнецкую улицу (совр. улица Бахрушина). Как и большинство московских купцов, Королев жил за Москвой-рекой, а торговал в Китай-городе. На престижной улице Ильинке у него была лавка, где всегда можно было купить очень неплохую обувь, особенно женскую. Среди московских модниц его башмачки «на завязочках» пользовались спросом. Михаил Леонтьевич быстро и довольно прилично разбогател, «коллеги» относились к нему с почтением. В 1861 году его избрали Городским головой, т. е. поставили во главе Московской городской Думы. Расстаться с любимым Замоскворечьем он не захотел, тогда не любили переезжать с места на место. Дом в Брюсовом переулке он купил для единственной дочери, а «молодые» уже устроили его по собственному вкусу. В отцовском же доме все оставалось по-прежнему: «Обстановка наших комнат очень отличалась от обстановки всех купеческих домов, которые мы знали. Там парадные комнаты – как у нашего дедушки – имели нежилой вид. Да в них по будням никто и не входил, разве прислуга, чтобы смахнуть пыль или полить растения, что стояли на окнах и на полу в огромных деревянных кадках. Тяжелая мебель в чехлах стояла, как прикованная, по стенкам. Шторы на окнах были спущены, чтобы вещи не выгорали от солнца. И все предметы в этих комнатах были громоздки, аляповаты и, главное, разнокалиберны. Золоченой бронзы огромные подсвечники стояли на картонных подносах, отделанных связанными из шерсти цветами. Рядом цинковая лампа. В стеклянных полосатых вазах восковые цветы. Столы в гостиной были покрыты белыми нитяными салфетками, так же как комоды в спальнях. На этих столах ставились шкатулки и фотографические карточки в рамках из соломы и раковин. В горках за стеклом громоздились серебряные и золотые вещи: чашки, стаканчики, ложки, золотые пасхальные яйца на пестрых атласных ленточках, букет фарфоровых цветов. Во всех комнатах в красных углах висели иконы с оправленными, но не зажженными лампадками...».

Даже став Городским головой, Михаил Леонтьевич Королев не захотел ничего изменить в своем доме на Лужнецкой. Только однажды сильно понервничал из-за «средневековой» мебелировки своих гостиных. Ведь в гости хозяева ждали самого Царя! Но и в этом случае он не поменял мебель, решив принимать государя «как есть, по-купечески». Императоры никогда не жаловали своим посещением купцов. Событие это было для Москвы уникальным, о нем рассказал в своих воспоминаниях Юрий Бахрушин. После реформы, освободившей крестьян, последовала целая череда реформ. В том числе было утверждено и новое «Городовое положение». В связи с предстоящими переменами в управлении городом, в ноябре 1862 года, в Москву пожаловал Император Александр II. «На высочайший выход в Большом Кремлевском дворце были собраны все первые персоны столярного города. В Андреевском зале стояло дворянство, во Владимирском – купечество... Московский городской голова М. Л. Королев подал царю хлеб-соль... Царь благосклонно принял подношение, поблагодарил, передал адыутанту и, обратясь к голове спросил: «– Как твоя фамилия?»

– Благодарение Господу, благополучно, ваше величество, только хозяйка что-то малость занедежила, – серьезно ответил Королев. Произошло неловкое замешательство. Но Александр II быстро сообразил, что не знакомый с новыми тонкостями галицизмов голова понял слово «фамилия» в его старинном значении – «семья».

– Ну, кланяйся ей, улыбнувшись, ответил царь и под влиянием внезапного наития добавил, – да скажи ей. Что я со своей хозяйкой приеду ее поведать...

Милостивые слова государя молниеносно облетели зал и произвели на купечество впечатление разорвавшейся бомбы – царь, при всех. Громко обещал приехать в гости к купцу! Это было неслыханно в истории России...».

Конечно, большинство присутствующих не поверили, что такое может произойти. Царь сдержал слово. 4 декабря 1862 года, вся Москва сбежалась к дому Михаила Леонтьевича, посмотреть, как купец царя принимает. Замоскворецкие мальчишки, висевшие на заборе Королева, видели, как испуганная жена Головы, Татьяна Андреевна, трясущимися руками подавала императрице чай с сухариками. Михаил Леонтьевич был колоритной фигурой, с истинно московскими причудами. Любил смотреть пожары. Как только узнавал о том, что где-то что-то «дымится» сразу же бросал все и приезжал. Уходил с пепелища последним, когда уже разбирали головешки. Посещая с друзьями любимый винный погребок Богатырева на Ильинке, ставил на стол головной убор – цилиндр. Не уходили пока «шапка» не наполнялась пробками от шампанского. Пройдет несколько лет, и Королев разорится. Старый дом на Лужнецкой придется продать. В историческом доме поселится «фамилия», которой суждено будет сыграть особую роль в истории купеческой Москвы – Бахрушины. О них поговорим позднее. А сейчас вернемся в дом в Брюсовом переулке, чтобы посмотреть, чем он отличался от типичных купеческих домов Замоскворечья. Конечно, это был совершенно другой район города, недалеко находилась главная улица Москвы – Тверская. Соседи, в основном, представители «белой кости», рядом с которыми московские купцы чувствовали себя неуверенно. Но молодой зять Королева Алексей Васильевич Андреев был представителем нового «переходного» поколения московского торгового сословия, которое потихоньку стало ломать дедовский уклад жизни и формировать новый, который ярко проявится в самом конце XIX столетия. Богат он не был, но щедрое приданое сумел употребить с пользой. За несколько лет, он, из владельца скромной колониальной лавки, превратился в хозяина шикарного «Магазина А. В. Андреева» на Тверской, напротив дома Генерал-губернатора (сегодня это здание Мэрии Москвы). Здание было двухэтажным: на первом этаже находился сам магазин, а второй занимала очень популярная в городе гостиница «Дрезден». Гостиница тоже принадлежала Андреевым. Но самое главное, «молодые» были представителями только зарождавшегося нового московского купечества, которое медленно, но верно ломало старые патриархальные традиции. Прежде всего, это относилось к домашнему быту и образу жизни семьи. Двор в Брюсовом переулке был также, по-купчески, обширным. Большая часть двора была крыта железным навесом. Под ним складывались «деликатные» товары: сахар, китайский чай. Чай у Андреева всегда был превосходного качества, настоящий. Как говорили тогда в Москве «не с Рогожских плантаций». Дело в том, что малоимущие жители Рогожской заставы собирали по трактирам спитую чайную заварку. Сушили ее на крышах своих домов, на солнце, и перепродавали заново. Бизнес был довольно прибыльным, «китайским» делом занимались многие. Около ворот находилось двухэтажное здание, которое называлось «фабрикой». Здесь на первом этаже работала паровая машина, приводившая в движение разные механизмы, которые пилили сахар. На втором этаже колотый сахар упаковывали в пакеты, а сахарные головы, которые так любили покупать москвичи, заворачивали в синюю бумагу. Большинство клиентов выписывали себе товары в большом количестве, на целый год. Служащих занятых упаковкой было много. Все механические приспособления Андреев покупал за границей. Ездил сам, осматривал все новинки. В качестве переводчика с ним часто ездила старшая дочь, а это уже не замоскворецкое «кухонное воспитание».

Рынок в Москве. 1909 г.

Кроме «фабрики» на дворе находился коровник, конюшни, прачечная, каретный сарай и сеновал. Действительно, настоящая «большая деревня»! Это в двух шагах от Тверской улицы! Как только весеннее солнце прогревало землю, по всему двору застилали ярко-желтые рогожи, на которые высыпали кучи чернослива, зеленого горошка, бобов, изюма, сахарных стручков. Это была настоящая радость для хозяйских ребятишек. Как видим, во дворе мало что изменилось, он жил своей, патриархально-трудовой жизнью, без всякого намека на парадность и эстетику.

«Зайдем» в дом хозяина, который стоял, как правило, в середине двора. Это был трехэтажный особняк, который всегда красили в один и тот же цвет – темно-серый. «Из тесной передней поднимались по широкой лестнице светлого полированного дерева, устланной цветистым ковром, в парадные комнаты. Из приемной с резными шкафчиками и стульями светлого дуба вели две двери: одна в кабинет отца, другая – красного дерева с матовыми узорными стеклами — в залу. Кабинет отца – маленькая комнатка с вычурным лепным потолком, изображавшим голубое море, из волн которого выглядывали наяды и тритоны. Этот потолок был предметом нашего восхищения в детстве, и мы с гордостью водили туда знакомых детей показывать его. Между окон этого кабинета помещался большой письменный стол, за которым никто никогда не писал. На столе стояла тяжелая бронзовая чернильница без чернил, бювар с бронзовой крышкой без бумаг, бронзовый прорезной нож, ручки, которые не употреблялись. Над диваном висела одна итальянская картина «Смерть святой Цецилии» из мозаики... Зала была самой большой комнатой в доме. Три больших зеркальных окна, с которых спускались красные атласные занавески. В простенках два зеркала. На подзеркальниках большие голубые фарфоровые вазы в золоченой бронзовой оправе с крышками. По стенам зала – высокие стулья орехового дерева, обитые красным бархатом. На углу рояль Бехштейн, шкаф с пюпитром для нот. Жардьерка с искусственными цветами, которые, по настоянию подросших сестер, были заменены живыми цветами. Золоченой бронзы часы – земной шар, поддерживаемый двумя амурами,

стояли на деревянной подставке. По углам залы четыре канделябра той же золоченой бронзы со стеариновыми свечами, такая же люстра посреди потолка, свечи обмотаны нитками, от которых должны были зажигаться фитили свечей, и никогда не загоравшиеся... Гостиная была черного дерева, обитая, синим шелковым штофом, стены затянуты тем же шелком. Нам, детям, эти шелковые стены казались верхом красоты и пышности. Столы черного дерева покрыты плюшевыми скатертями, бахрома которых спускалась до пола. Пол затянут сплошь светло-серым ковром, на подзеркальнике часы розового фарфора с изображением пышных дам в широкополых соломенных шляпах. Около них стояли безделушки из того же фарфора, – какие-то тарелочки, вазочки неизвестно для какого употребления. Освещалась эта гостиная канделябрами и люстрами такого же розового фарфора. За гостиной, отделанной тяжелыми портьерами на шелковой подкладке, – б удуар. Кретоновая мягкая мебель, золоченые стульчики, небольшие шифоньерки. В углу мраморный камин. На нем часы совсем необычные: в них двигался циферблат, а неподвижная золотая стрелка показывала время. На шкафчиках и полках стояли китайские вазы и разные китайские безделушки. Убранство всех наших парадных комнат носило французский характер. Меблировал их месье Паскаль – известный в Москве драпировщик. Бронза во всех комнатах была выписана матерью из Парижа (через магазин Шнейдера на Кузнецком мосту). В каждой комнате был свой стиль. Предметы из одной комнаты не переносились в другую. Каждая мелочь всю жизнь стояла на своем месте. Во всех комнатах в углу висели небольшие иконы в изящных окладах. За этим будуаром – две небольшие комнаты, спальни моих родителей. Затем проходная комната, из которой несколько ступеней вели вниз в пристройку: столовую и классную. Из нее через буфет лестница вверх в детскую и лестница вниз в первый этаж, где в небольших и низких комнатах размещались старшие братья и сестры со своими гувернантками. Меблировка этих комнат была везде одинаковая: кровать, покрытая белым пикейным покрывалом, перед кроватью коврик. Мраморный умывальник, в который наливалась вода сверху, она текла в таз при нажимании педали. Шкаф для белья. Письменный стол и этажерка для книг. Только тут в расстановке вещей на письменном столе и в выборе их проявлялся личный вкус каждого обитателя комнаты. Хотя оригинального было мало, так как младшие дети всегда подражали старшим. Эти три этажа соединялись между собой узкими лестницами полированного дерева, как на корабле. В самом низу, в полуподвальном этаже, были людская и комнаты для прислуг. Комнаты горничной, портнихи и экономки мало отличались от комнат моих сестер. На окнах белые занавески, та же кровать, но без пружинного матраца, покрытая белым пикейным одеялом, гора подушек; вместо шкафа – сундучки, у каждого свой; стулья, стол, покрытый белой скатертью. В углу большие тяжелые иконы с венками из бумажных цветов. На стенах фотографии в дешевых рамочках. И во всем доме, во всех углах его – ни соринки, ни пылинки, всюду порядок и чистота, за которыми следила моя мать. И были все эти три этажа отдельными царствами, мало соприкасающимися между собой...», – вспоминала внучка городского Головы. Молодому поколению уже тесно и душно в отцовских домах. Они более тщеславны, более подвижны, подвержены влиянию, наконец, образованы. Многие из них учатся за границей. Теперь купечество больше уделяет внимание интерьеру своих комнат. До идеала еще далеко: в большинстве домов нет водопровода, канализации, электричества. Но все же начало положено – старые дедовские сундуки, громоздкие, тяжелые шкафы и стулья доживают последние дни. Теперь стараются приглашать драпировщиков «из иностранцев, которые были в Москве первыми профессиональными дизайнерами интерьера. Мебель делалась всегда на заказ, причем и здесь иноземцы были в фаворе». Тем не менее, все решает вкус самого хозяина: стиль, цвет, рисунок он выбирает сам. Петр Иванович Щукин, большой поклонник стиля Людовика XVI, вспоминал о двух мастерах-столярах, которым он заказывал мебель по собственному вкусу. «Один из них поляк, Хилькевич, имел столярную мастерскую на Арбатской площади; ему я заказывал кровать и шкаф с резьбой. В стиле Людовика XVI. К сожалению Хилькевич оказался не совсем добросовестным: деньги

забрал вперед, а работал мало; заказанных мною вещей он так и не сделал, и пришлось уже судом получать их от него... Перед тем Хилькевич сделал прекрасные резные дубовые двери в столовой Д. П. Боткина в его доме на Покровке. Неоконченные Хилькевичем кровать и шкаф я подарил сестре моей Ольге, у которой в деревне их удачно отделали столяры. Другой столяр, русский, по фамилии Фламандский. Торговал мебелью на Большой Никитской; он был из крепостных и когда-то работал на графа А. А. Закревского. Фламандский имел весьма представительный вид и вследствие хромоты ходил всегда с палкой. Ему я заказал кровать, шифоньерку, комод и несколько кресел и стульев из полированного розового, королевского, амарантового, палисандрового и других деревьев, в стиле Людовика XVI; он все хорошо исполнил. «Уже в 1880-х годах московское купечество активно заказывает мебель, обои, предметы интерьера в Париже и Лондоне. Перебираясь в аристократические районы города, где не было контор, складов, торговой сутолоки, менялся и образ жизни. Купечество было» первопроходцем «по части внедрения технических новшеств в домашний обиход: водопровод, канализацию, электричество. Одной из первых в Москве осветила свой дом электрическими люстрами молодая купеческая вдовушка Вера Александровна Хлудова. Похоронив мужа, купила большой дом на Пречистенке (сегодня это дом № 10) и» запустила электричество при помощи локомобиля«. Устроила первый» электрический бал«, чтобы похвастаться перед соседями новым роскошеством. В качестве почетного гостя был приглашен Московский генерал-губернатор Владимир Андреевич Долгоруков. Однако, когда почетный гость, в сопровождении хозяйки входил в дом, электричество погасло! Локомобиль, подававший свет в комнаты, ненадолго вышел из строя. Хозяйка упала в обморок. Случился еще один казус на этом» электрическом «балу, о котором поведал Владимир Алексеевич Гиляровский. Московские модницы не привыкли к яркому освещению, причесывались и одевались при керосиновых, газовых лампах и свечах. Дамы, разумеется не жалели белил и румян, но при ярком электрическом освещении лица их выглядели мертвецки бледными, с яркими» кровавыми пятнами «губ и щек. Одна хозяйка выглядела великолепно,»но зато все московские щеголихи в бриллиантах при новом, электрическом свете танцевального зала показались скверно раскрашенными куклами...».

Никольская улица. Открытое письмо. Фототипия «Шерер, Набгольц и К° в Москве». 1902 г.

«Новые богатеи» победно заселяют традиционные аристократические районы Москвы – Пречистенку, Волхонку, Знаменку, Поварскую, Остоженку и др. Все определяется финансовыми возможностями новых хозяев. Покупай хоть дворец, «коли капиталу достанет». Внутреннюю обстановку теперь можно было приобрести вместе с «замком», так и делали. Приобщались к образу жизни «благородного» сословия, слишком долго они терпели обиды и унижения. Даже дачи стали покупать! Раньше купцы дач не терпели, то к концу XIX столетия активно скупают разорившиеся дворянские подмосковные дворцы и устраивают себе летние резиденции. Так семейству Бахрушиных отошло за долги имение графини Келлер, некогда принадлежавшее роду Толстых. Родовое гнездо было огромным, озлобленная графиня разрешила крестьянам вывести из господского дома все, что им понравится. Лишь бы не досталось новым владельцам! Окрестные крестьяне значительно «облагородили» свои избышки огромными вазами Императорского фарфорового завода, столами со столешницами из дорогого малахита и мрамора, супницами и соусницами из сервизов, подаренных императорами своим фаворитам.

Купечество «средней руки» богатств особых не имело, но тем не менее, даже проживая вдалеке от центра города, все больше обращает внимание на обстановку квартиры, на сочетание цвета стен и мебели, создание комфорта и уюта в доме.

«Присаживаюсь в гостиной под окном на удобный мягкий стульчик или качалку. Тишина. Кругом так все красиво, мягко, чисто; красный ковер, обои, гардины, белые чехлы...», – вспоминал дом своего детства Николай Михайлович Щапов. Он родился в 1881 году в старинной купеческой семье со своими обычаями заботами, радостями. Отец его, Михаил Иванович прошел классический путь отечественного предпринимателя: от ученика до управляющего. Он приехал из Ростова к родственникам, которые уже открыли в Москве свое дело. В 1892 году он скоропостижно скончался, оставив своей семье вполне приличное состояние и дом на Новой Басманной улице. Интересно, что Щаповы прожили в этом доме до конца 1960-х годов, но уже в советской коммуналке. «Квартира наша в одноэтажном старом каменном доме. Из маленькой передней вход в залу и дальше в гостиную, в обеих комнатах по три окна на улицу. В зале на стенах бра с керосиновыми лампами, у стены рояль. Чинные стулья под чехлами. Занавески кисейные, подобранные на стороны. Обои белые. В гостиной паркет закрыт огромным восточным ковром – его папа привез с Нижегородской ярмарки. Столики круглый и овальный. Круглый покрыт красным плюшем, внизу резной, очень красивый. На нем на салфеточке лампа. Помню, как с опаской зажигали эту керосиновую лампу в первый раз. Раньше из-за боязни пожара в семье допускались только висящие лампы, а на столы ставили свечи. При свечах вечером ужинали... На другом столе – альбомы с семейными фотографиями. На стенах картины... Обои красные с золотом. Красиво! На окнах тяжелые красные занавески, подобранные толстыми шнурами с огромными кистями. Перед окнами тумбы с пальмами, да и вообще на всех окнах цветы: тут и амариллисы, и китайская роза, несколько фикусов, и филодендроны, и выросшие из семян кипарисы, цареградский стручок, лимон. По углам комнаты на тумбах канделябры со стеклянными подвесками... В столовой стол, стулья, буфет. Раньше была лежанка с бутылками настоек на ней. Теперь ее нет, зато есть диван и над ним часы...». Николай Михайлович с раннего детства удивлялся, что мать знала историю приобретения каждой вещи, подробно рассказывала сыну о каждой иконе, висевшей в доме, о каждом предмете, подаренном многочисленной купеческой родней. Мария Константиновна помнила мельчайшие подробности о том, кто, когда, по какому случаю преподнес или где и у кого покупалось. Листая домашние альбомы с фотографиями, Николай Михайлович слушал рассказ о близких и дальних родственниках, о семейных традициях. И кто знает, может быть именно в детстве, он и решил заняться фотографией, для того чтобы увековечить все, что его окружало. Начал он с портретов родных, знакомых и своего дома. Во всяком случае, фонд Н. М. Щапова, хранящийся в Центральном государственном архиве на специальных носите-

лях, представляет собой уникальное собрание фотоотпечатков, запечатлевших именно бытовую жизнь старой Москвы. Как видно из его воспоминаний, в этом доме жили неторопливо, основательно и очень экономно. Несмотря на то, что отец оставил неплохое состояние, которое позволяло вдове содержать дом и дать неплохое образование детям, в семье с любовью берегли каждую мелочь. В этом доме редко меняли цвет обоев и гардин, вышедшую из употребления мебель предпочитали реставрировать. Очень бережно относились к своему гардеробу: перелицовывали, перешивали. Мама Николая Михайловича шила для всей семьи, несмотря на возможность приобретать в лучших торговых рядах города. Купцы относились к своей одежде с большим вниманием, тратить целые состояния на модную одежду в этом сословии было неприято. Однако и отставать теперь было «негоже»! Костюм московского купца тоже стал менять к концу XIX века. Долгополые сюртуки, высокие сапоги бутылками, косоворотки уступили место фракам и визиткам, модным костюмам, часто сшитым за границей. Все же специфическая купеческая манера одеваться не исчезла совсем, а продолжала существовать параллельно с новыми веяниями. Купцы из старообрядцев вообще считали, что все эти модные веяния – баловство и предпочитали ничего не менять в своей жизни. Своеобразие костюма торгового сословия заключалась в сочетании некоторых вещей, которые они заимствовали и у дворян, и у крестьян, конечно, значительно их «модернизировав». Длиннополые купеческие сюртуки шились из черного крепа, застегивались на четыре пуговицы по борту, обшивались по вороту и отворотам тоненькой шелковой тесьмой. Встречались сюртуки синего и серого цвета. Серые носили в летнее время, причем шили их из блестящей ткани альпака или люстрина. Очень любили жилеты, особенно, так называемые, «штучные». Они шились из другого материала – бархата, шелка, сукна. Обычно они были цветные, украшенные орнаментом или цветами, вышитыми или вытканными. Кстати любопытный факт, что сибирские миллионеры, вырвавшиеся «погулять» в столице, с особым шиком напяливали на себя сразу несколько «жалеток». Это было особое удовольствие – пофорсить перед столичными партнерами. Но «сибирский форс» вызвал только усмешку. Промежуточной формой между сюртуками и поддевкой – основными видами купеческого костюма – бала «сибирка». Она очень похожа спереди на сюртук, но застегивалась наглухо. Дома, в торговой лавке, трактире носили одну косоворотку и жилет, с обязательным украшением – золотой или серебряной часовой цепочкой с брелочками. Широкие брюки с напуском на голенище заправляли, как правило, в сапоги. Встречались шаровары из бархатного плиса с небольшим ворсом, но такие носили молодые купцы или приказчики. Пиджаки предпочитали двубортные, с застежкой на четыре или пять пуговиц по борту, с глухим вырезом, похожие на бушлаты. В холодное время многие любили носить длинные пальто из синего или черного драпа и, конечно, шубы. Если когда-то по «Сеньке была шапка», то в XIX веке «по купцу и шуба». Богатые купцы носили долгополые, тяжелые на енотовом или лисьем меху. Верх шубы делался из сукна, а вот воротники были шикарные – бобровые, «шалькой». Были популярны воротники и из черного каракуля и, даже скунса, но это уже «не тот фасон». Шапки были также бобровые с круглым доньшком из котика или бархата, или черные каракулевые фасона «гоголь». Летом самым «купеческим» головным убором был картуз с матерчатым козырьком. Немаловажная деталь гардероба – сапоги. Особым шиком было множество складок на голенище, так называемая «гармошка». Чем больше складок, тем считалось шикарнее, для этого под кожу сапога кольцами вшивалась круглая веревка. Отступали сантиметр и снова вшивали кольцо, потом еще. Таких колец должно быть пять, шесть, а то и семь. Особым купеческим шиком были сапоги «со скрипом». Для получения модного скрипа между подошвой и стелькой делали прокладку из бересты, даже насыпали сахарный песок. Даже под европейский модный костюм с брюками навыпуск, вместо штиблет и ботинок, носили высокие сапоги. Для купца это была обувь на все времена. В дождливое время «скрипачи» любовно прятали в галоши, а зимой в специальные валенки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.